

ОГОНЁК

№ 49 ДЕКАБРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

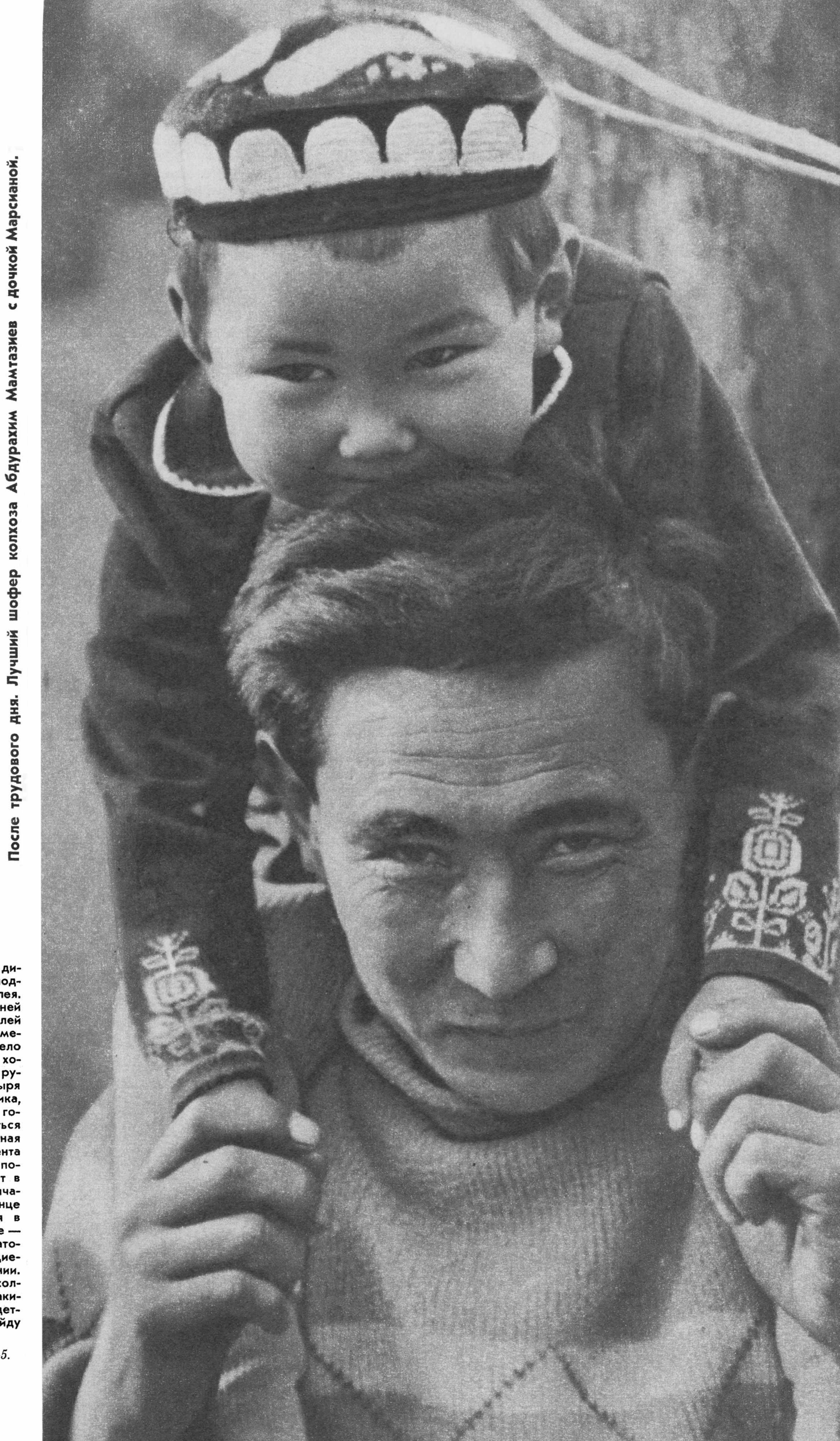
№ 49 (2318)

Основан
1 апреля 1923 года

4 ДЕКАБРЯ 1971

Будни «Кзыл-Гайрата».

СКАЗКА О ВОЛШЕБНОМ ЯБЛОКЕ

После трудового дня. Лучший шофер колхоза Абдурахим Мамтазиев с дочкой Марсианой.

Алексей БРАГИН
Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

По склонам ущелья сбегают дикие яблони, а навстречу им поднимается желтая тополевая аллея. Огненные язычки листьев осенней земляники обвили стволы тополей и словно маленькие костры пламенеют на сером фоне коры. Весело звенит ручей, прозрачный и холодный. Кажется, что отсюда рукой подать до снежного богатыря Тянь-Шаня — Талгарского пика, давшего имя реке и ущелью, городу и району... Если подняться выше, открывается многоцветная панорама Семиречья — лента шоссе, разлив садов, богатые поселки. Голубой ладонью лежит в степи недавно созданное Капчагайское море, сверкает на солнце узкая полоска Или, уходящая в Прибалхашье. А еще ближе — светлые корпуса детского санатория «Чимбулак» и карабкающиеся в гору столбы электролинии.

— Отсюда начинался наш колхоз,— говорит Музафар Избакиев.— Здесь был домик моего детства. Но теперь сам я не найду

Продолжение см. на стр. 4—5.

ЗАКОН ПЯТИЛЕТКИ—БЛАГО

ПЛАН ПРИНЯТ, ПЛАН БУДЕТ

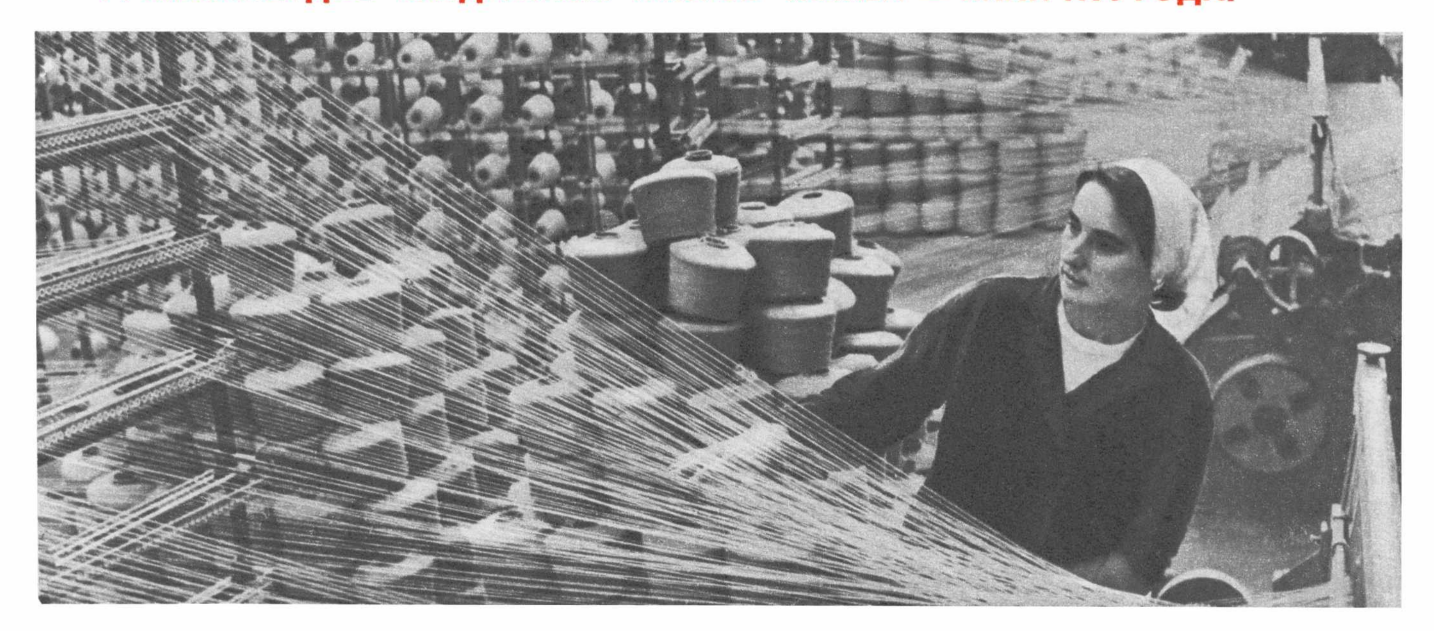
1 ТРИЛЛИОН 625 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ СОСТАВИТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД ЗА 1971—1975 ГОДЫ.

ОКОЛО 150 МИЛЛИОНОВ ТОНН СТАЛИ НАМЕЧЕНО ВЫПЛАВИТЬ В 1975 ГОДУ. ДОБЫЧА НЕФТИ СОСТАВИТ ПРИМЕРНО 500 МИЛЛИОНОВ ТОНН.

830 МИЛЛИОНОВ ПАР КОЖАНОЙ ОБУВИ БУДЕТ СДЕЛАНО В 1975 ГОДУ.

К КОНЦУ ПЯТИЛЕТКИ ВАЛОВОЙ СБОР ЗЕРНА ДОЛЖЕН ПРЕВЫСИТЬ 200 МИЛЛИОНОВ ТОНН.

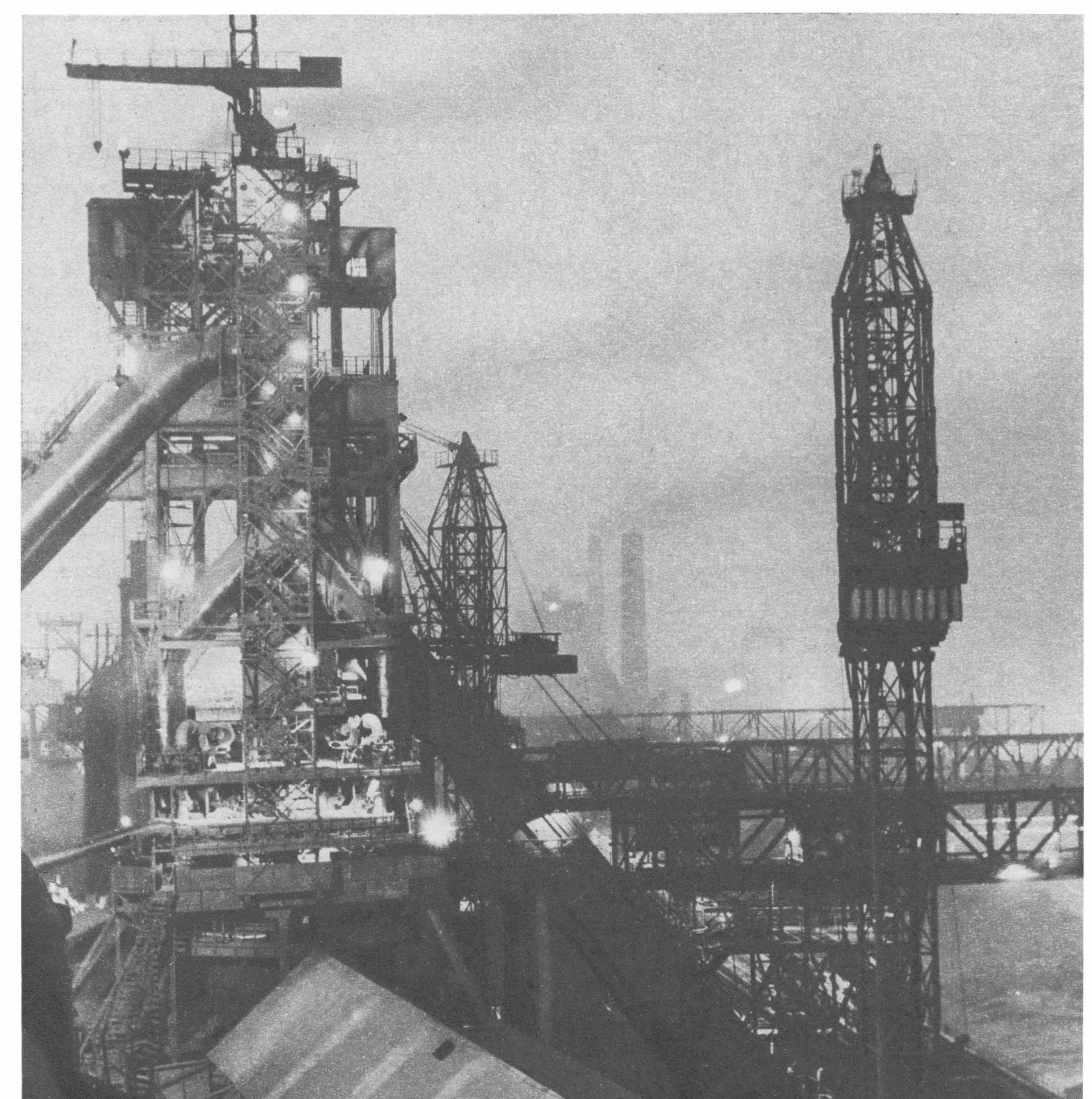
11 МИЛЛИАРДОВ КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ ТКАНЕЙ — ПЛАН 1975 ГОДА.

Встали на трудовую вахту пятилетки труженики Белорусской ССР. Высокие обязательства взяли на себя работники Оршанского ордена Ленина льнокомбината. Производственное задание первого года девятой пятилетки они решили завершить к 28 декабря и реализовать сверх плана продукции на 2 миллиона рублей.

На снимке: передовая сновальщица ткацко-приготовительного цеха коммунистка, ударница коммунистического труда Вера Турова.

Фото А. Церлюкевича (ТАСС).

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ТРИ ДНЯ — С 24 ПО 26 НОЯБРЯ 1971 ГОДА — здесь работал высший орган государственной власти страны — Верховный Совет СССР. К работе сессии, к обсуждению проектов Государственного пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы, плана и бюджета страны на 1972 год было приковано внимание всей нашей Родины. Депутаты, выступившие на заседании палат Верховного Совета СССР, единодушно поддержали одобренную Пленумом Центрального Комитета КПСС величественную программу созидания. От имени всего советского народа они горячо одобрили внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии, ее ленинского ЦК. С трибуны сессии депутаты говорили о том, что советские люди с огромным удовлетворением встретили постановление Пленума ЦК о международной деятельности Центрального Комитета КПСС после XXIV съезда партии, принятое по докладу Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Внешнеполитический курс ЦК КПСС находит полное понимание и единодушную поддержку всех коммунистов, всего советского народа.

26 ноября в три часа дня в Большом Кремлевском дворце началось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей

НАРОДА!

ВЫПОЛНЕН!

Верховного Совета СССР. Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, депутаты и гости встретили товарищей Г. И. Воронова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, В. В. Щербицкого, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Б. Н. Пономарева.

Совместное заседание обеих палат открыла Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР депутат Я. С. Насриддинова.

С заключительным словом по вопросам о Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы и о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1972 год выступил Председатель Совета Министров СССР депутат А. Н. Косыгин, тепло встреченный присутствующими.

Затем депутаты приступают к принятию Закона о Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

Сессия раздельным голосованием по палатам единодушно принимает Закон Союза Советских Социалистических Республик о новой пятилетке. Под сводами зала гремят горячие аплодисменты.

Депутаты и гости выражают свое полное одобрение новой грандиозной программы коммунистического строительства, осуществление которой еще более возвеличит нашу Родину, укрепит ее экономическую и оборонную мощь, поднимет материальное благосостояние трудящихся.

Итак, пятилетний план стал законом. Одобрив этот важный государственный документ, народные избранники выразили волю трудящихся Советской страны, волю всех своих избирателей.

Затем раздельным голосованием по палатам депутаты единогласно принимают Закон о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1972 год.

С заключительным словом по вопросу о Государственном бюджете СССР на 1972 год и отчете об исполнении Государственного бюджета СССР за 1970 год выступил министр финансов СССР депутат В. Ф. Гарбузов.

Верховный Совет СССР раздельным голосованием по палатам единогласно утвердил Государственный бюджет СССР на 1972 год с учетом предложений Планово-бюджетных и отраслевых комиссий Совета Союза и Совета Национальностей по доходам в сумме 173 814 926 тысяч рублей и по расходам в сумме 173 614 801 тысячи рублей с превышением доходов над расходами в сумме 200 125 тысяч рублей.

Единогласно принят Закон о Государственном бюджете СССР на 1972 год, а также Постановление по отчету об исполнении Государственного бюджета СССР за 1970 год.

Сессия перешла к утверждению Указов Президиума Верховного Совета СССР. С докладом по этому вопросу выступил секретарь Президиума Верховного Совета СССР депутат М. П. Георгадзе. Верховный Совет СССР утвердил Указы и принял соответствующие Законы и Постановления.

На этом третья сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва закончила свою работу.

Первый год новой пятилетки близится к завершению. Он ознаменован большими трудовыми успехами во всех сферах народного хозяйства. Доменщики запорожского металлургического завода «Запорожсталь» работают со значительным опережением графика. С начала года они выплавили дополнительно к заданию десятки тысяч тонн металла.

Фото А. Красовского (ТАСС).

Проходившие недавно в Москве Пленум ЦК КПСС и сессия Верховного Совета СССР вызвали самый широкий отклик среди советских людей, граждан великого социалистического содружества, во всем мире. Как отмечает газета «Правда» в редакционной статье, озаглавленной «Ленинским курсом», решения Пленума ЦК и сессии Верховного Совета СССР — «это новое свидетельство великой жизненной силы социалистического строя, растущего влияния нашего государства на весь ход мировых событий».

ТРИУМФ СОЗИДАНИЯ И МИРА

Мы связались по телефону с главным редактором болгарского журнала «Наша Родина», кандидатом в члены ЦК БКП тов. Димитром МЕТОДИЕВЫМ и главным редактором журнала «Польша» тов. Владиславом ВОЛОДКОВИЧЕМ и попросили их прокомментировать решения Пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР.

— Решения Пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР,— говорит Димитр Методиев,— вызвали большой отклик во всем мире. И это понятно. По всем фронтам идет соревнование двух мировых социальных систем. Социалистическое содружество, главной силой которого является могучий Советский Союз, играет решающую роль в борьбе народов за сохранение мира, за прогресс и социализм. С нескрываемой симпатией следило трудовое человечество за широким мирным наступлением, развернутым Советским Союзом во исполнение программы, выдвинутой XXIV съездом КПСС. И всем понятно, что если это наступление развертывается с таким успехом, то причина этого — возрастающее всестороннее могущество Страны Советов.

Кроме общего, затрагивающего самый ход соревнования двух систем значения, решения Пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР для нас, болгарских коммунистов, для всех граждан Народной Республики Болгарии имеют особый смысл.

Как хорошо известно, со дня победы социалистической революции в Болгарии партия болгарских коммунистов повела страну по пути нерушимой болгаро-советской дружбы и сотрудничества. БКП изо дня в день последовательно и неуклонно проводит курс на все более полное сближение нашей страны с великой страной Октября во всех областях жизни. Полным ходом идет и процесс социалистической интеграции в области экономики. Вот почему мы, болгары, с таким интересом, с такой кровной заинтересованностью и радостью знакомимся с пятилетним планом развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. Наша шестая пятилетка связана самым тесным образом с этим планом.

Широченными шагами идет к коммунизму наш родной Советский Союз. Из года в год возрастает его политическое, экономическое, духовное, оборонное могущество, растет его авторитет среди трудящегося мира, его вес в решении мировых проблем. И мы особо счастливы и горды тем, что наша социалистическая Родина связала свою судьбу с судьбой Советского Союза раз и навсегда.

— Польский народ,— заявил Владислав Володкович,— с горячим интересом воспринял постановление Пленума ЦК КПСС о международной деятельности Центрального Комитета после XXIV съезда КПСС и решения сессии Верховного Совета СССР о пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы и плане на 1972 год.

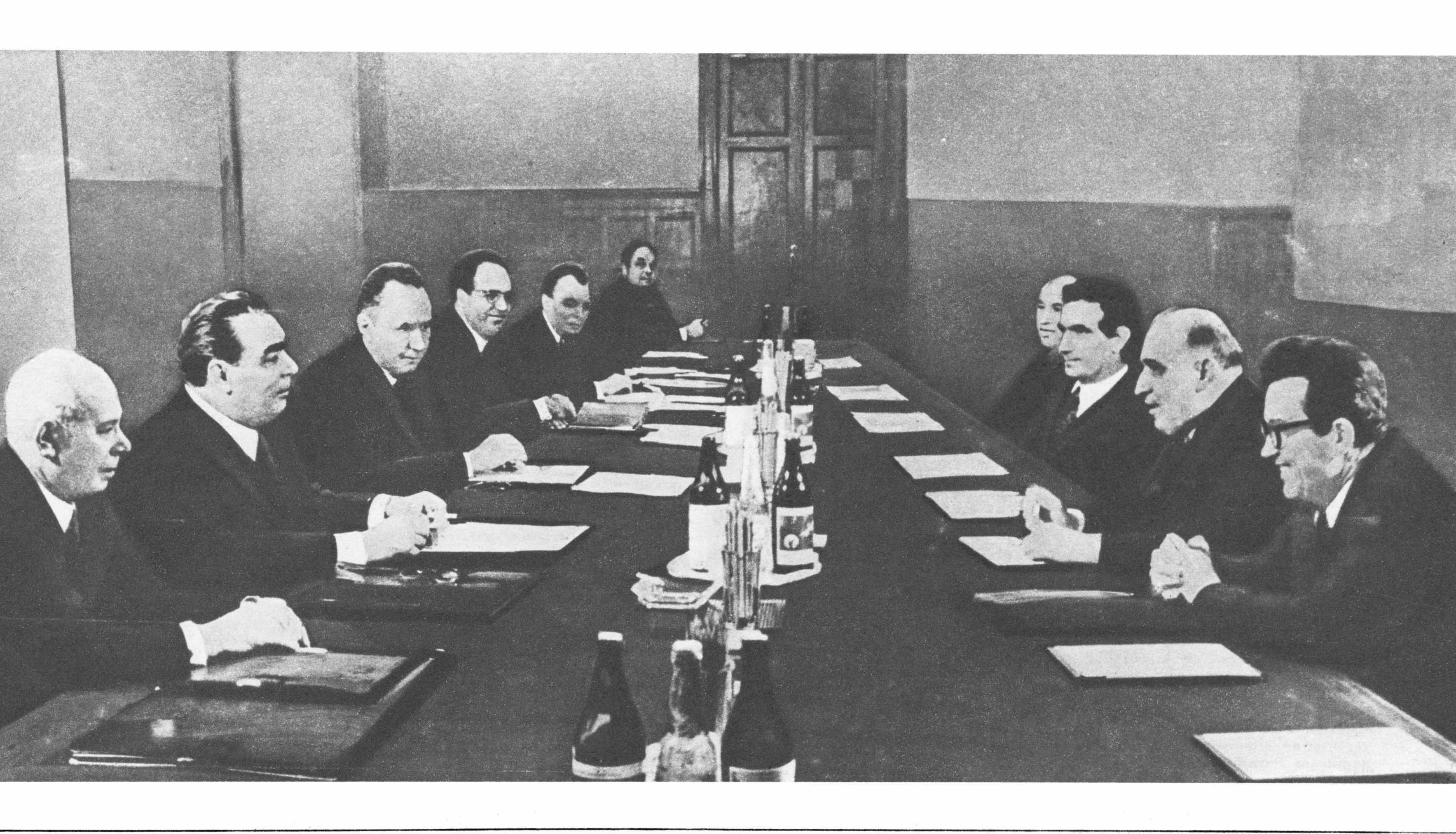
Готовясь к VI съезду ПОРП — руководящей силы польского рабочего класса и всего польского народа,— партийные и беспартийные граждане народной Польши пристально следят за внутренней и внешней политикой Страны Советов, так как дружба с СССР была, есть и будет всегда основой новых совместных действий на международном поприще. Итоги Пленума и сессии польский народ воспринимает как лучшее доказательство полной сплоченности вокруг партии и правительства советского общества, общества, которое, борясь за укрепление могущества своей социалистической Родины и всего лагеря социализма, уделяет все большее внимание повышению уровня материальной и духовной жизни советских людей.

Нам, полякам, хорошо известно, что международная деятельность КПСС и Советского правительства, которую польский народ высоко оценивает и активно поддерживает, опирается в первую очередь на постоянный рост экономической силы СССР и других стран социализма. Этому в полной мере служит и расширение советско-польских отношений в рамках тесного сотрудничества, дальнейшей интеграции стран — членов СЭВ.

ПОРП своим действенным вкладом во все начинания коммунистического и международного рабочего движения подтверждает, что она выступает как продолжательница интернациональных традиций своих предшественниц — Коммунистической партии Польши и Польской рабочей партии. ПОРП участвует в выработке совместной стратегии всемирного рабочего движения и последовательно стремится к достижению его главных целей.

Все усилия наших народов должны сосредоточиться и сосредоточились в борьбе за всеобщий мир, безопасность и благосостояние нашего социалистического содружества и всего человечества.

ДРУЖЕСКАЯ ВСТ

СКАЗКА О ВОЛШЕБНОМ ЯБЛОКЕ

Начало см. на 2-й стр. обл.

его следов. «Кзыл-Гайрат» давно уже спустился к шоссе...

Секретарь парткома уйгурского колхоза Музафар Аскарович хорошо знает прошлое своего древнего народа.

— Наш народ испокон веку занимался земледелием,— рассказывает Музафар,— но история не была к нему ласковой: Чингисхан разрушал его города и оазисы, забирал к себе в орду наших писцов и щадил купечество. Шли столетия, бушевали войны. Уйгуры разбрелись по всей Азии, десятки тысяч их поселились и здесь, за рекой Или, в Семиречье. Но давайте лучше поговорим о временах более близких. Вот этот сад называется Аскаров. По имени моего отца, который был одним из новоселов и организаторов нашего колхоза. А постарев, ушел в бригадиры. Сад этот он посадил и вырастил. Необычный человек. Подписывался одной буквой «А», потому что других выучить не успел. Но в садоводстве толк понимал. Ему в начале тридцатых годов даже диплом агронома выдали. А я, пока получил такой диплом, пятнадцать лет учился...

Я прошу Музафара рассказать поподробнее историю колхоза.

— Для этого я слишком молод,— отвечает он и ведет меня к крепкому восьмидесятилетнему Джамалдину Хасанову, старику, который опирается на палку лишь потому, что это приличествует старому уйгуру.

Джамалдин рассказывает нам об Абдулле Розыбакиеве, первом уйгурском большевике, Токаше Бокине, казахе-революционере, и о Дмитрии Фурманове, уполномоченном Реввоенсовета Туркестанского фронта. Вспоминает, как всадники с красными звездами на папахах прискакали в 1919 году из города Верного в маленькое селение Каратурук и раскрыли смысл таких ясных и простых теперь слов, как Советская власть и коммунизм, организовали там первую партийную ячейку. Кому же было стать коммунистом, как не батраку Джамалдину? Выпало ему и трудное счастье — быть первым председателем ревкома, а затем работать в волисполкоме. А еще через шесть лет, когда несколько десятков уйгурских семей поселились у Бель-Булака в Талгарском ущелье, односельчане послали Джамалдина Хасанова разыскать артельный Устав, чтобы знать, как сообща обрабатывать землю. Так родился в 1929 году в Октябрьском сельсовете колхоз «Кзыл-Гайрат» — «Красная сила».

У Джамалдина четыре сына и четыре дочери. Старший, Мансур,— колхозный шофер, Мухиддин — районный следователь, Фатима — врач, Рахимжан — сержант Советской Армии, Малик учится в сельскохозяйственном техникуме. А еще у Джамалдина двадцать шесть внуков и два правнука.

Теперь Джамалдин Хасанов — один из шестидесяти пяти пенсионеров села.

Казах Уалибек Есимбеков создавал здесь отгонное животноводство, выращивал годами тот отборный колхозный табун, что и поныне славится своими кумысными кобылицами. Лечебный кумыс «Кзыл-Гайрата» идет теперь преимущественно в здравницы Семиречья. А сын старика Еркин Уалибеков недавно окончил институт народного хозяйства и работает в колхозе главным экономистом.

С главным экономистом у нас был особый разговор. Молодой, все еще похожий на студента, он дает нам первое в своей жизни интервью. Цифры называет на память, тут же сверяя их с документами: не ошибся ли. В беседе принимает участие председатель колхоза Юсуп Сатылганович Касымов, тоже молодой, как и все здешние руководители.

Доход колхоза за минувший год составил 1 926 тысяч рублей. Оплата труда ежемесячная, гарантированная. Средний заработок колхозника — 4 рубля 37 копеек в день. К этому надо прибавить по килограмму зерна на каждый заработанный рубль в конце года.

Главный экономист заканчивает беседу советом:

— Зайдите в любой дом, посмотрите, как живут люди.

Кем гордятся колхозники «Кзыл-Гайрата»? Своими учителями, специалистами, земляками, работающими в науке, в театрах. Преподавание в местной школе ведется на трех языках: уйгурском, казахском и русском. Среди учителей особое уважение завоевал тут Максут Ниязов. В 1941 году командир взвода сержант уйгур Ниязов оборонял Брестскую крепость. Был дважды ранен. Сейчас ему уже пятьдесят семь. Вместе с ним в школе работает его дочь, преподаватель биологии Гуля Максутовна.

Заведующий учебной частью школы Усман Ашимов оканчивает аспирантуру при институте педагогических наук имени Алтынсарина. Тема его диссертации — «Методика преподавания уйгурского языка в школе». Один из его научных руководителей — ученый, поэт, общественный деятель, доктор филологии, лауреат премии

РЕЧА

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 30 ноября в Москву с дружеским визитом прибыли Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков и член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ С. Тодоров.

30 ноября 1971 года состоялась дружеская встреча партийных и государственных деятелей Советского Союза и Народной Республики Болгарии, в которой участвовали:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин;

с болгарской стороны — Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков и член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ С. Тодоров.

Участники встречи информировали друг друга о выполнении решений XXIV съезда КПСС и X съезда БКП. Было с удовлетворением отмечено, что успешно продолжается развитие всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Народной Республикой Болгарией.

Участники встречи рассмотрели также актуальные международные вопросы.

Во встрече приняли участие секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев и член ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС К. В. Русаков.

В тот же день товарищи Т. Живков и С. Тодоров отбыли на родину.

На снимке: дружеская встреча партийных и государственных деятелей Советского Союза и Народной Республики Болгарии.

Фото А. Пахомова и А. Устинова.

Ленинского комсомола Мурат Хамраев, заведующий отделом уйгуроведения Казахской Академии наук. Усман Ашимов, несмотря на свою загруженность, все же находит время читать односельчанам лекции, руководить оркестром уйгурских народных инструментов в колхозном Доме культуры. Из этого оркестра перешла в труппу республиканского Уйгурского музыкально-драматического театра талантливая актриса Рахиля Итямова.

Где только не встретишь выходцев из колхоза «Кзыл-Гайрат»! В институте ядерной физики работает Есенбек Абдыкалыков, в зооветеринарном институте деканом одного из факультетов — Кабден Абдулгафаров, Абдулла Избакиев — заместитель директора института геологии Академии наук Казахской ССР. В высших учебных заведениях Алма-Аты, Ташкента и Фрунзе учится более двадцати воспитанников колхоза.

...Есть старая уйгурская сказка о Чин-Томуре и Махтум-Слу. О брате-батыре и его сестре. Брат посылает ей в подарок яблоко, обладающее чудодейственной силой: если его соком протереть слепому глаза, тот прозреет.

Теперь старую сказку переделали, и старики, рассказывая ее внучатам, говорят, что это волшебное яблоко принесли всем уйгурам всадники с красными звездами на папахах.

ТАЛАНТ И МУЖЕСТВО

МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г. К. ЖУКОВУ 75 ЛЕТ

Осенью 1941 года войска Западного фронта под командованием генерала армии Георгия Константиновича Жукова вели тяжелые оборонительные бои на подступах к Москве.

Во второй половине дня 19 ноября командование 16-й армии, войска которой испытывали сильнейший нажим фашистов, обратились к командующему фронтом с просьбой разрешить отвести свои главные силы за Истринское водохранилище. «...Требую обороняться на занимаемом рубеже,— и ни на шаг не отступать»,— гласила телеграмма Г. К. Жукова.

В выполнении воли партии Г. К. Жуков был непреклонен.

Георгий Константинович Жуков рано начал свой трудовой и боевой путь. Выходец из бедной крестьянской семьи, он бился с врагами социалистического Отечества еще в гражданскую. Но наиболее полно полководческий талант Георгия Константиновича раскрылся в годы Великой Отечественной войны.

Его умение правильно оценивать стратегическую обстановку не раз помогало советскому Верховному Главнокомандованию своевременно разгадывать замыслы противника и принимать необходимые меры.

Весной сорок третьего года в районе Курской дуги создалась чрезвычайно сложная ситуация. На этом участке фронта противоборствующие стороны стремились добиться решительных целей.

Какого же плана ведения операций целесообразнее было придерживаться советскому командованию? Ведь можно упредить противника, нанести удар первыми. Были и такие предложения... А можно и обескровить его в оборонительном сражении, а затем перейти в наступление и нанести ему решительное поражение.

Прибыв по заданию Ставки в район Курского выступа и тщательно изучив совместно с командованием Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов положение советских войск и данные о противнике, маршал Г. К. Жуков 8 апреля 1943 года представил Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину доклад, в котором был сделан следующий вывод: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление, окончательно добьем основную группу противника»*.

Предложения маршала Г. К. Жукова о плане действий Советских Вооруженных Сил обсуждались на специальном совещании в Ставке. Здесь было принято решение о переходе к обороне на Курском выступе и создании глубокоэшелонированной системы укреплений. Отразив бешеный натиск врага, наши войска перешли в решительное наступление и нанесли немецко-фашистской армии такое поражение, от которого она не смогла оправиться до самого конца войны.

Коммунист, пламенный патриот своей Родины, человек железной воли и выдающегося полководческого таланта, маршал Г. К. Жуков внес большой вклад в общее дело победы над гитлеровской Германией. Выполняя задания Ставки на наиболее ответственных участках борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, Георгий Константинович в самые трудные дни оборонительных сражений первого периода Великой Отечественной войны всегда сохранял хладнокровие и присутствие духа, управлял войсками твердо и уверенно и добивался перелома событий в пользу советских войск. Именно так было под Ельней, под Ленинградом, на полях Подмосковья.

После захвата нашей армией инициативы он, будучи заместителем Верховного Главнокомандующего, участвовал в разработке и осуществлении важнейших стратегических наступательных операций. Контрнаступление под Сталинградом, битвы под Курском и за Днепр, освобождение Правобережной Украины и Белоруссии, Висло-Одерская и Берлинская операции — вот далеко не полный перечень сражений, в которых он принимал непосредственное участие.

Родина высоко оценила талант и мужество своего славного сына. Г. К. Жуков четырежды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден двадцатью четырьмя орденами и медалями нашей страны. Он Герой Монгольской Народной Республики, а также кавалер восемнадцати орденов и медалей зарубежных государств.

Кандидат исторических наук полковник Н. Светлишин

---

* Г. К. Жуков «События и размышления», Издательство АПН. Москва. 1969 г., стр. 470.

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЯ ПОД МОСКВОЙ

Тридцать лет прошло с тех пор, как началось контрнаступление советских войск под Москвой. В преддверии этого славного юбилея за круглым столом «Огонька» собрались участники обороны Москвы, ее защитники, те, кто выстоял под ударами бронированных полчищ фашистских захватчиков, остановил, а затем в решительном контрнаступлении разгромил их, навсегда развеяв миф о непобедимости гитлеровской армии.

Нашими гостями были: бывший начальник штаба 30-й армии, тогда полковник, а теперь генерал армии ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ ХЕТАГУРОВ; бывший политрук роты, а затем комиссар батальона прославленной панфиловской 8-й гвардейской дивизии, генерал-майор ВАСИЛИЙ МАКСИМОВИЧ МАЛКИН; бывший летчик 5-го гвардейского истребительного авиационного полка, генерал-майор ИВАН ПАВЛОВИЧ ЛАВЕЙКИН; бывший командир тульского рабочего полка, генерал-майор АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ ГОРШКОВ; бывший командир роты автоматчиков, Герой Советского Союза ГАВРИИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ КУЗЯКИН; бывший сержант-зенитчик ГАЙК АВАКОВИЧ ШАДУНЦ; бывший комиссар объединенных партизанских отрядов Можайского района, секретарь подпольного Можайского горкома партии ИВАН МИХАЙЛОВИЧ СКАЧКОВ; бывший комиссар партизанского отряда «Митя» ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛАКОВ; бывший начальник производства автозавода имени Лихачева ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЧАК.

Предоставляем им слово.

Г. И. Хетагуров. Тридцать лет назад наша армия остановила рвавшиеся к Москве отборные гитлеровские дивизии, в решительном контрнаступлении разгромила их и отбросила далеко назад.

Трудно переоценить историческое значение этой крупнейшей победы.

Советский народ как один человек поднялся на борьбу с врагом. Партия коммунистов возглавила и организовала эту борьбу. С первых же часов войны партия с величайшей энергией и хладнокровием руководила упорными сражениями, развернувшимися на фронтах, переброской промышленности из районов, над которыми нависла угроза захвата, и переводом ее на выпуск военной продукции. И в то же время готовила резервы для перехода в контрнаступление. Момент для его начала был выбран точно: гитлеровские войска выдохлись, утратили возможность продвинуться хотя бы на метр, но еще не успели перейти к обороне. В этот безошибочно определенный советским командованием момент и был нанесен мощный удар по врагу.

Ныне всем известно, что произошло далее. В ожесточенных боях фашистские войска были разгромлены и побежали, бросая технику и вооружение, оставляя один за другим захваченные ими города и населенные пункты.

Это было первое крупнейшее сражение, бесповоротно проигранное гитлеровским вермахтом. И одновременно окончательное крушение мифа о его непобедимости.

Разгром фашистских полчищ под Москвой громовым эхом прокатился по всему миру, вселил надежду на освобождение в народы захваченных гитлеровцами стран, заставил миллионы людей поверить в то, что фашистская ночь не вечна. И что заря свободы под-

Октябрь 1941 года. Добровольцы рабочего батальона Ленинградского района Москвы: командир подразделения истребителей танков инженер В. П. Иванов (справа) и боец — машинист Московского метрополитена Д. С. Дьячков.

Фото А. Устинова.

ВПЕРЕД, ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

нимается на востоке, из-за линии огромного фронта, на котором самоотверженно бьются с врагом советские солдаты.

В то же время наше контрнаступление и разгром гитлеровцев у стен столицы показали всему миру политическую и государственную мудрость нашей партии и крепость нашего социалистического строя.

В середине ноября две танковые группы немецких войск нанесли удар в районе Клин — Рогачево. Двадцать второго вражеские танки ворвались в Клин. Ночью они были выбиты из города. Но утром следующего дня фашистские подвижные соединения обошли Клин с северо-востока и с юго-запада.

Нашим войскам пришлось оставить город. И между 16-й армией, отходящей на Крюково, и нашей, 30-й, обороняющейся на огромном фронте от Калинина до Дмитрова, образовался большой разрыв. В это не занятое нашими войсками пространство хлынули дивизии гитлеровцев. Пожалуй, это были самые трудные дни обороны столицы.

Из фланговых соединений 16-й и 30-й армий командующий фронтом генерал Г. К. Жуков создал сводную боевую группу, чтоб закрыть образовавшуюся брешь. Командовать этой группой было приказано мне...

Три дня и три ночи не прекращался ожесточенный бой. Защитники Рогачева стояли насмерть. Можно только удивляться мужеству наших людей, их фантастической стойкости. Враг превосходил наши войска впятеро, располагал мощным вооружением. Но наши солдаты вынудили его топтаться под Рогачевом в течение многих дней. Даже после того, как врагу удалось все-таки обойти город, мы продолжали удерживать его, нанося удары по немецким тылам. Для этой цели мы использовали кавалерийские части, расположенные в лесах.

И мы выполнили задачу — удержали Рогачево. Не прорвавшись через город, гитлеровцы перерезали дорогу на Дмитров, вышли к каналу Москва — Волга, захватили город Яхрому. Чтобы не допустить переправы врага через канал, мы нанесли внезапный удар силами своих поредевших полков во фланг вражеской группировки. Застигнутые врасплох, гитлеровские части стали отходить, бросая технику. Мы заняли рубеж западнее Клина, в районе деревни Коньково. В тот день я получил телеграмму от командующего фронтом. В телеграмме говорилось, что занятый рубеж является важным стратегическим рубежом и что его надо держать до последнего.

Этот приказ мы выполнили, удержали позиции до подхода 1-й ударной армии, которая в декабре перешла в контрнаступление.

Вспоминаются первые дни нашего контрнаступления. Наступательный порыв был исключительно высок. Люди не щадили жизни. Знали одно: идти вперед. Только вперед!..

В районе Клина мы окружили гитлеровцев и штурмом овладели городом. До сих пор помню фронтовые дороги, по обочинам которых громоздились сожженные вражеские танки, исковерканные орудия, темнели в снегу замерзшие тела убитых врагов...

Как раз в эти дни на нашем направлении побывала английская делегация. Союзники захотели своими глазами убедиться в поражении гитлеровцев. Ведь до Московской битвы Германия не проиграла в Европе ни одного крупного сражения. Наверное, англичане вспоминали Дюнкерк. Под Дюнкерком полтораста немецких танков сбросили в Ламанш целую английскую экспедиционную армию. А здесь, под Москвой, горсть защитников маленького городка Рогачево отбивала атаки ста шестидесяти танков. И хваленая гитлеровская армия, разгромленная советскими солдатами, бежала от стен столицы. Англичане убедились воочию, какое страшное поражение потерпели под Москвой генералы гитлеровского вермахта.

Приезжали на фронт и наши советские делегации — из Москвы, с Урала, из Казахстана. Труженики тыла старались помочь своим солдатам чем могли. Привозили подарки. Как дорого бойцу было внимание, всенародная забота и любовь! Как воодушевляло все это воинов!

Для того, чтобы отрезать гитлеровцам пути отхода из Клина, в район Теряевой Слободы был выброшен воздушнодесантный батальон. Десантники разрушили мосты, перехватили дороги. В разгроме врага принимали участие летчики генерал-лейтенанта Петрова, которые штурмовали колонны гитлеровцев, отходивших по проселочным дорогам на Волоколамск.

Первой ворвались в Клин бойцы 1233-го полка полковника В. И. Решетова. За ним — части 24-й кавалерийской и других дивизий нашей 30-й армии, а также соединения 1-й ударной армии. В боях за город была полностью разгромлена часть сил трех танковых и моторизованной дивизий врага. Только в районе Клина враг потерял 122 боевые машины.

В. М. Малкин. В октябре и ноябре сорок первого года мне довелось участвовать в обороне Москвы в рядах панфиловской дивизии.

Особо напряженные бои шли шестнадцатого ноября. В этот день крупная группировка немецких войск атаковала позиции нашей дивизии у Волоколамского шоссе. Всем известен бессмертный подвиг двадцати восьми героев во главе с политруком Клочковым у разъезда Дубосеково.

Севернее этого разъезда саперы лейтенанта Фирстова бились с другой группой танков. Саперы выстояли, не допустили гитлеровцев в тыл своего полка, занявшего оборону на подступах к шоссе.

Солдаты-панфиловцы повсюду стояли насмерть, так и не дав немцам возможность прорвать фронт на участке дивизии. Словом, выполнили стоявшую перед нами задачу — выиграть время, продержаться до подхода резервов главного командования, измотать врага в оборонительных боях. Борьба шла не только за километры и метры подмосковной земли, но и за каждый час. Надо было отвоевать у гитлеровцев время.

Натиск превосходящих сил гитлеровцев заставлял нас медленно отходить. В ноябре гитлеровские войска еще продвигались вперед. Но мы уже заставили их выучить, сколько метров в километре, сколько саженей в каждой русской версте. Враг уже не шел, как прежде, а полз, оставляя битую боевую технику и мертвые тела своих солдат и офицеров.

В конце ноября мы получили новые противотанковые орудия. Подошли танки. Из Казахстана, где формировалась наша дивизия, поступило пополнение. Пришло время наступать. От станции Крюково наши полки погнали захватчиков с подмосковной земли.

За мужество и героизм, проявленные в боях за столицу, наша дивизия была награждена орденом Боевого Красного Знамени и стала гвардейской.

И. П. Лавейкин. Наш 129-й истребительный полк принимал участие в сражении под Москвой с самого начала. 6 декабря 1941 года ему в числе первых авиационных полков было присвоено гвардейское звание.

Вспоминается первый и очень тяжелый для меня бой еще на дальних подступах к Москве. Я летел в паре с Героем Советского Союза Иваном Мещеряковым. Сопровождали на штурмовку наших «ИЛы». Внезапно меня атаковали вражеские истребители. Рядом разорвался снаряд. Осколком пробит радиатор, отказали приборы на пульте управления. Маневрирую на непослушной машине и отчетливо слышу гул чужих моторов. Это значит: свой не работает, заглох...

До фронта километров двенадцать, самолет разбит, а я еще не вышел из боя. Фашист атакует на встречном курсе. Но мне удалось на планирующей машине сделать небольшую горку, пропустить его под собой и нажать гашетку...

«Мессершмитт» вспыхнул. Я же с трудом вырвался из штопора. Опять планирую. Тяну из последних сил... Вот уже видна заветная речка, за которой наши. Но ведь бывает же так: не хватило каких-нибудь двух метров. И машина упала в воду... Удар. Я потерял сознание. Когда очнулся, смотрю: на чужом берегу речки человек пятьдесят солдат в касках. А на нашем никого. Кое-как выбрался из машины, где вплавь, где вброд перебрался на наш берег. Достаю пистолет... И тут вижу: ко мне мчится полуторка, с подножки машет рукой наш авиационный техник. Что за притча?.. Потом выяснилось,— буквально несколько часов назад врага отогнали, и, знай это, я бы мог спокойно совершить посадку на луг, на бывшем «чужом» берегу...

Весь декабрь сорок первого полк вел ожесточенные, тяжелые бои. Вылет следовал за вылетом. Наши летчики приземлялись и не выходили из кабин: спали, пока техники заправляли машину горючим, пополняли боекомплект. И опять в воздух!..

Иногда приходилось поддерживать пехоту в уличных боях. Правда, слова «уличные бои» здесь привожу с большой натяжкой. Деревни были сожжены, одни печные трубы тянулись вдоль бывших улиц. Бывало, наши окопались на южной стороне улицы, а фашисты — на северной. Между ними метры. Вот где требуется точность! Но мы справлялись. И бойцы в нас верили и сразу после штурмовки бросались в яростную атаку!

А. П. Горшков. Три десятилетия отделяют нас от дней величайшего сражения за судьбу Родины — от битвы за Москву.

В октябре мне довелось участвовать в обороне Тулы — славного города знаменитых русских оружейников. Гитлеровские войска, пытаясь обойти с юга нашу столицу, подошли к Туле в тот момент, когда в этом районе почти не было наших войск. Если б гитлеровцам удалось взять Тулу, это значило бы, что немецкие танки вырвались на оперативный простор. И над Москвой нависла бы 2-я танковая армия генерала Гудериана...

Но славный тульский рабочий класс и все население Тулы поднялись для отпора врагу. 16 октября состоялся партийный актив города, на котором коммунисты заявили, что готовы отдать жизнь, но не допустить в Тулу фашистские полчища. Тогда-то и родился девиз: «Стоять насмерть!»

22 октября решением Государственного Комитета Обороны был образован городской комитет обороны Тулы. Возглавил его секретарь обкома партии Василий Гаврилович Жаворонков.

Сразу же началось формирование тульского рабочего полка. Записывали только добровольцев — их было тысячи. Может показаться странным, но у тульских оружейников возникли трудности с оружием. Ведь каждая винтовка, выпускаемая заводом, была на строжайшем учете — в них нуждался весь фронт! Мы просто не могли, не имели права оставлять оружие у себя. И тульские умельцы день и ночь, не отходя от станков, ремонтировали старые учебные пулеметы, собирали винтовки из запасных частей, наладили выпуск минометов, которых до этого не производили.

28 октября тульский рабочий полк занял оборону на самом угрожаемом направлении — от Орловского до Воронежского шоссе. Правее были позиции 156-го полка войск НКВД и зенитчиков 732-го артиллерийского полка ПВО. В районе Тулы отошли также ослабленные в тяжелых боях соединения 50-й армии Брянского фронта.

В шесть часов утра 30 октября после ожесточенной артподготовки враг, не сомневаясь в легком захвате города, пошел на штурм. Завязалось яростное, кровопролитное сражение. Атаки гитлеровцев следовали одна за другой. Но защитники Тулы выстояли. Вче-

Продолжение см. на стр. 20—23.

1821 — 1971

СЛАВА НЕКРАСОВА

В. АРХИПОВ

Его «открыл» Белинский, написав о стихотворении «В дороге», что оно несет в себе мысль — это не стишки к луне и деве; «в них много умного, **дельного** и современного» (едва ли не высшая похвала в устах великого критика). Но и для Белинского, воскликнувшего: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный!» — и для Белинского Некрасов был полной неожиданностью: он не укладывался в привычные рамки всех эстетических норм. Отсюда знаменитое: «Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!»

Слово «топор», конечно, не случайно «употребленное» Белинским, указывало не просто на «грубость» стиха поэта, как полагал Плеханов: за ним, за этим словом (что легко угадывается), стоит главное действующее лицо поэзии Некрасова — крестьянин, русский мужик: топор — это его исконное орудие труда, а при случае и оружие боя. «К топору зовите Русь» — стало боевой необходимостью эпохи Некрасова, ее главным лозунгом и призывом.

Итак, с Некрасовым пришел в литературу новый герой и заговорил о своих нуждах, радостях и печалях, желаниях и целях, пришел крестьянин, **народ пришел в литературу.** И вошел он не бочком в чуть приоткрытые двери, «петушком-петушком», а пришел в литературу в качестве главного действующего героя ее, как центральная фигура поэтической картины мира. Чего не ожидала не только дворянская эстетствующая критика, но что было во многом неожиданностью и для самого Белинского.

Но он с изумительной проницательностью по достоинству оценил открытие Некрасова, «подхватил его почин» и возвел это в степень исторической закономерности, провидев в художественных открытиях поэта генеральное направление всей русской литературы.

Но и это не все. Здесь, в крепостной деревне, веками забитой и замордованной, Некрасов с поразительным упорством стал искать «душу живую» — положительного героя времени, того и тех, кто выручит, на кого можно положиться, кто сумеет постоять за себя и не дать в обиду других.

В этом поиске, на первый взгляд не увенчавшемся большим успехом, подлинная гениальность великого поэта, поэзия которого именно здесь выступает как зеркало русской революции и как фактор революционной борьбы. Ибо в основе поиска лежит **концепция народа как активно действующего начала.**

Поэт с упорством ищет признаки пробуждения народа — под корой грязи и забитости ищет чувство человеческого достоинства. Ищет и находит его. Великое, человеческое во всей огромности своего нравственного непокорства — на каждом шагу в произведениях великого поэта. Начиная с пастушонка из «Псовой охоты» (1846 год), собирающегося «взбутетенить» барина, и до эпического образа идущего до конца в своей революционности Савелия, богатыря святорусского (70-е годы).

«В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников», — писал Ленин в 1908 году.

Сложный процесс вызревания крестьянской революции во всех ее видах и формах от первичного стихийного протеста каких-нибудь распоясовцев, кричавших «Нет нашего согласу», до толстовства с его «непротивлением злу насилием» изображен в творчестве Некрасова со всей полнотой и убедительностью. Свидетельством этому является классически изваянный образ несгибаемого революционера-крестьянина Савелия с его гордым сознанием: «Клейменый, да не раб!» — и не менее знаменитым:

> Надумалась Корёжина,
> Наддай! наддай! наддай!..

Образ Савелия относится к высшим художественным достижениям Некрасова и всей нашей литературы. Его сила, правдивость, красота и поразительная художественная убедительность — наглядное свидетельство истинности процессов выдвижения крестьянством закаленных борцов, о чем как о неизбежности писал Ленин в том же 1908 году и что подтвердилось всем последующим развитием русской революции.

А ведь Савелий — целая история формирования крестьянского революционера и целая эпоха в развитии русской революции. В нем поэт запечатлел переход от стихийного протеста против гнета и эксплуатации в **данном случае** к осознанию **неизбежности** борьбы со всяким порабощением. В последние годы жизни, пройдя тюрьму (там, кстати, он учился грамоте!) и каторгу, Савелий выступает перед нами представителем борющейся крестьянской России, изучившей до конца «науку ненависти» к угнетателям.

И он, Савелий, не одинок у Некрасова — он возглавляет целую фалангу крестьян-борцов, рядом с которыми выступают в творчестве великого художника революционные демократы, начиная с Белинского и кончая блестящей плеядой революционеров семидесятых годов.

Поэт создает величественный образ Гражданина, в котором трудно не узнать Белинского, с его священной заповедью служения родине: «Гражданином быть обязан».

И эта заповедь, которую Некрасов пронес через всю жизнь свою как лозунг и знамя, звала и пророчила. Она звала к надежде, свершениям и к мести. И, будто по слову поэта, «рать подымалась неисчислимая», и в ней сказалась несокрушимая сила народа.

Величие художественного гения Некрасова прежде всего и особенно выразилось именно в том, что поэт обладал исключительным чувством высокого, прекрасного, передового, положительного начала народной жизни.

Нет слов, Некрасов-сатирик огромен. Его «карающая лира» разила многих. Не пощадил он никого: ни подлецов откровенных, ни сокровенных, ни «в маске жарких патриотов благонамеренных воров», ни обаятельных диалектиков — либералов-крепостников («Честен мыслью, сердцем чист!»); ни тех, безгрешных, о которых великолепно сказано:

> Не спасал ты утопающих,
> Но и в воду не толкал...

Не обошел он и тех, кто уходил «величаво в скорлупку пошлости своей»; именно он одним из первых изобличил «плантатора», капиталиста; показал, **что** собою представляют финансовые воротилы, их «всеберущий, всехватающий, всеворующий союз»; именно ему, Некрасову, принадлежит «Современная ода» (1845 год, самое начало поэтической деятельности), которая на поверку оказалась сатирой, ибо старый одический герой давно уже умер, а герои нынешнего дня достойны только сатирического изображения...

Это трансформирование жанра и жанров в связи с появлением нового героя и героев является крупнейшим новаторским шагом Некрасова.

Все это так и неопровержимо так.

Но свои поистине замечательные открытия в области сатиры Некрасов, вне всякого сомнения, «делит» и с Гоголем, и с Щедриным, и в некоторых моментах с Алексеем Толстым («Сон Попова»).

А есть область поэзии, которую Некрасов не делил ни с кем, выступая во всевластии своего художнического «я». Это героика. Именно Некрасов открыл положительного героя эпохи. Открыл там, где он был, и обрисовал таким, каким он действительно был.

И. Крамской. 1837—1887. Н. А. НЕКРАСОВ В ПЕРИОД «ПОСЛЕДНИХ ПЕСЕН».

А. Рылов. 1870—1939. ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ.

И. Репин. 1844—1930. АРЕСТ ПРОПАГАНДИСТА.

В. И. Ленин писал: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору.

Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности».

О той же эпохе Ленин сказал: «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом».

Этот исторический этап — вытеснение дворян разночинцами, смена политического авангарда в освободительной борьбе — во всей его сложности и противоречиях и стал «предметом» изображения Некрасова. И поэт, которому никогда не изменяло острое чутье политика, с одной стороны, разоблачает либерализм (о чем уже говорилось) во всех его «изводах» и вариантах, что нашло у Ленина признание и высокую оценку (статья «Памяти графа Гейдена»), а с другой — употребляя современное нам слово — он буквально воспевает революционных демократов, их беззаветную преданность родине, верность революционному долгу, высокую нравственность, доходившую до ригоризма, самопожертвование, героическое подвижничество.

Для Некрасова революционный разночинец был олицетворением разума, чести и совести всего бытия. Создав «портретную галерею» героев-подвижников, Некрасов перешагнул грани собственно критического реализма и стал нашим современником. Ибо героика — основное и главное советской жизни и нашей поэзии.

Следует ли говорить, что, несмотря на беспросветную бедность эпохи, поиск Некрасова завершился полнейшим и блестящим успехом?! Он был первым биографом Белинского (поэма «В. Г. Белинский»), он живописал его и в «Памяти приятеля» и в «Медвежьей охоте»; он создал величественный скульптурный памятник Добролюбову, с которым ничто не может сравняться; в трудное и суровое время он защищал дело Чернышевского — он всегда и везде был на переднем крае идеологической борьбы.

Но здесь нельзя не указать и на то, что поэт в чисто художественном плане одерживает одну победу за другой. Он учит русскую поэзию, как надо писать о великом. В «Памяти приятеля», например, он раскрывает величие подвига Белинского со всей теплотой интимного, дружеского чувства. В Гражданине мы видим суровую непреклонность, достойную Катона. В «Памяти Добролюбова» — идеал самопожертвования и любви к родине — вечная жизнь в вечном подвижничестве:

Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать —

умирать, то есть бороться до последней капли крови за счастье родины. В «Пророке» («Н. Г. Чернышевский») пафос трагедийного подвижничества достиг высшего напряжения: герой погибает непонятым, ославленным, обесчещенным:

...«Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»

И поэт, живописуя своего героя, выступает защитником и его дела и его славы:

Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Победа или смерть — вот смысл этого стихотворения, рожденного эпохой, нуждавшейся в гигантах и породившей гигантов. Все симпатии Некрасова были на их стороне: Белинскому, Добролюбову и Чернышевскому он отдал всю любовь свою и безраздельно свой поэтический гений. Во имя и ради дела Чернышевского, борясь за него и защищая его, Некрасов должен был порвать с Толстым, Тургеневым, со старыми друзьями — Боткиным, Дружининым. И он пошел на этот шаг, что было актом высокого гражданского мужества и подлинной принципиальности.

Открыв новый тип, служа новым идеям и идеалам, перешагнув рамки поэзии и став фактом существенно новой «поэтической действительности», стихи Некрасова не просто «отражали» жизнь — они формировали самый тип революционера. Поэзия Некрасова не просто звала — она организовывала, это была подлинная поэзия революционных битв, потому-то она и поступила на вооружение нескольких поколений революционеров, от Белинского до Ленина.

Владимир Ильич цитирует некрасовские строки преимущественно для того, чтобы указать на силу положительного примера, живым, художественным образом подтвердить и утвердить свою мысль.

Так, критикуя толстовщину, Ленин приводит знаменитые строки:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь! —

и тем самым раскрывает всю огромность содержания некрасовских слов, воочию демонстрируя политическую чуткость и прозорливость поэта.

Не забудем и того, что словами Некрасова:

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало! —

Ленин проводил в последний путь Фридриха Энгельса.

Поэзия Некрасова приносила Владимиру Ильичу и радость эстетического наслаждения как такового. Потому-то в письме к матери из Парижа (1912 год, 7 апреля) мы и встречаем некрасовский образ при описании ранней весны: «Здесь весна... На днях ездил опять на велосипеде в лес — все плодовые деревья в садах стоят в белом цвету, «как молоком облитые», аромат чудный, прелесть что за весна!»

Вытеснение дворян разночинцами, расширение круга борцов, смена революционного авангарда вызвали целый переворот в сфере искусства. Это привело и к выдвижению нового, центрального образа всей литературы, и к расширению границ подвластного художнику поэтического мира, и во многом к обновлению самой поэтической системы, а также к образованию нового поэтического идеала. Некрасовский герой — это труженик, работник и на почве Мысли и Добра и просто на ниве как таковой, вне переносного значения слова.

Тема труда стала ведущей не только в творчестве поэта-демократа: он был ее доблестным представителем, у него она нашла наиболее емкое и резкое выражение. В связи с этим изменился самый критерий оценки героя, его красоты и достоинства. Трудовое начало стало эстетической категорией, что чутко уловила русская теоретическая мысль, обобщив в знаменитой диссертации Чернышевского «опыт» Некрасова, Кольцова, народного творчества. Художественный поиск Некрасова был возведен Чернышевским в степень незыблемого теоретического постулата.

Но труд, чтобы стать эстетической нормой, чтобы красить человека, должен быть, естественно, свободным трудом, должен порвать цепи рабства. Так некрасовская поэзия воссоединила в себе труд и борьбу за прекрасное будущее в качестве основы всего поэтического анализа действительности. Это не случайность, не находка, это до конца осознанная позиция, которая направляла все движение поэтической мысли поэта от истока до устья. Короче: это — видение мира, предопределившее все крупнейшие художественные открытия Некрасова как поэта глубокой социальной идеи, пронесшего через всю свою жизнь

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

Без этого не могла быть написана ни поэма-диалог «Железная дорога», утверждающая всевластие труда, ни огромное эпическое полотно «Кому на Руси жить хорошо».

«Железная дорога» — полное торжество аналитической мысли художника, вскрывшего до конца противоречия социальной жизни России как противоречия складывающегося капиталистического общества. Именно здесь впервые в русской литературе показан «общественный характер производства» при частном характере присвоения. Некрасов вводит в поэму образы-понятия «работа народная», «массы народные».

Широкими мазками поэт рисует «работу народную», работу трудовой России, согнанной на постройку железной дороги мрачным и жестоким царем Голодом. Он «организует» все производство:

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.
Он-то согнал сюда массы народные.

И в противовес труду «народных масс» выведен в поэме «почтенный лабазник», купчина, который работы миллионов людей, согнанных Голодом

С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого,

считает «своими» — он «едет работы **свои** посмотреть».

Поэт подчеркивает особую жестокость капитализма: «Каждый подрядчику должен остался»; «А по бокам-то все косточки русские...».

Природа капиталистического производства не изменилась — голод, нищета, безработица, выжимание сверхприбылей остались и по сегодня,— и это делает поэму Некрасова остросовременной, будто сейчас написанной.

Но поэт не остановился на этом. Несмотря на великие жертвы, создав железную дорогу, народ поднялся на новую историческую ступень, проложил дорогу в будущее. Отсюда убежденность:

Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!
Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Эту убежденность питали величие народного труда, «работа народная», ее безмерность, широта ее размаха. Она-то и была революционным призывом: «Да не робей за отчизну любезную...»

Так труд народных масс, материализуясь в процессе производства и овеществляясь в нем, приближал «царство свободы», как сказал пролетарский поэт Радин, утверждая в с е н а р о д н о с т ь поэзии труда и борьбы.

Здесь же рождалась, развивалась и крепла и некрасовская образная система в ее целостности как поэтическая система. Иначе не могло и быть: она рождена трудом, что нес в себе некрасовский герой всем существом своим.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!»

Это — главное в герое Некрасова, который призывал к «разумному, общерусскому делу», никогда не останавливаясь на достигнутом.

Святое недовольство сохраняя —
То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя.

Нетрудно видеть, что это поэзия и философия нашего времени, хотя они родились более ста лет назад.

* * *

Шло время. Некрасов старел, умирал. Долгой мучительной смертью. Но (и это знаменательно) в годы жестокого недуга он написал самые светлые, радужные строки свои:

Пир — на весь мир.

Его поэзия мечты о битве, поэзия предсказания, предощущения бури становится здесь буквально поэзией боевых команд «рати», подымающейся на штурм самодержавия и капитализма. Некрасов отдает боевой приказ:

За обойденного,
За угнетенного —
Стань в их ряды.

Это подхватила действительность пролетарской борьбы и победы:

Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

ВОВЕК НЕ УГАСНЕТ

В этом поэтичном уголке украинской земли, на Винничине, всегда красочно и уютно, особенно в осеннюю пору, когда желтые листья и синь неба ласкают взор, сливаясь в непередаваемую картину тишины и покоя. Два ряда старых-престарых лип вдоль Немировского шляха тихо шумят на ветру, словно шепчут великую и вечную думу обо всем, что прошло, пролетело, отзвенело сказкой времен... Есть в той думе и радостный тон, нежный, как первый весенний зеленый шум,— воспоминания о человеке, жизнь которого началась в этом крае.

Старые липы видели многое. Они могли бы рассказать о большой семье Закревских. О том, как дивчина Олена из этой семьи встретилась здесь с офицером Алексеем Некрасовым. Елена Андреевна, женщина по тому времени высокообразованная, знавшая несколько европейских языков, увлекавшаяся музыкой, литературой, народным творчеством, ввела сына, маленького Николая, в прекрасный мир полесских сказаний, песен, в мир природы. Как могла, защищала она сына от жестокости, изо всех сил старалась уберечь его, хрупкого, легко ранимого душевно, от несправедливости в трагически сложившейся атмосфере своей семьи, где царил, по словам поэта, дух отцовского деспотизма. Она не хотела, чтобы сын шел по стопам отца, убедила его не идти в военное училище, настояла, чтобы он сдавал экзамены в университет. Елена Андреевна ушла из жизни еще молодой. И после смерти матери поэт часто обращался к ее образу, создав такие шедевры мировой литературы, как «Родина», «Несчастные», «Затворница», «Рыцарь на час», «Баюшки-баю», поэма «Мать».

Он стал великим поэтом России, перед его могучим талантом склоняются миллионы людей на земле. Но здесь, в Немирове, к нему своя, особая любовь. Здесь он произнес свое первое слово, тут испытал первые радости и горечь. И нынче, когда все прогрессивное человечество отмечает 150-летие со дня рождения выдающегося поэта, некрасовские дни в Немирове проходят как праздник нашей культуры. В городе и в селах, что раскинулись вокруг, возле школ, библиотек, клубов — везде можно видеть красочные транспаранты, плакаты, афиши. Они приглашают на торжественные вечера, посвященные Некрасову, на литературные встречи в его честь, где выступают известные советские писатели, литературоведы — гости из Киева, Москвы, Ленинграда. В Виннице, в педагогическом институте, идут последние приготовления к открытию республиканской научной конференции о творчестве Некрасова. И в областной и в Немировской библиотеках в эти дни особенно оживленно: внимание посетителей привлекают большие книжные выставки, где широко представлены издания произведений поэта в переводах на украинский язык. Немало этих книг увидело свет еще в дореволюционные годы, несмотря на запреты царской цензуры. Но особенно много книг, изданных в советское время. Среди них — самые новые украинские издания: «Лірика», яркое красочное «Дід Мазай та зайці», монографические книги лауреата Ленинской премии Е. Шаблиовского «М. Некрасов і українська література» и литературоведа В. Чалого «Некрасов і Україна».

Самая красивая улица Немирова названа именем поэта. В живописной части города, между старыми тенистыми деревьями, сооружается монумент. На нем слова Максима Рыльского:

Повік не згасне
Життя його болюче і прекрасне.

К юбилею поэта будет выпущена медаль с надписью: «Микола Некрасов. Народився в місті Немирові на Вінниччині».

Школа-интернат имени Н. Некрасова, колхоз имени Н. Некрасова, улица Н. Некрасова... А вот школьный музей. Экспонаты для музея Некрасова люди присылают в Немиров со всех концов страны. И самое ценное среди них — это то, что создано руками тружеников. Народные умельцы винничане — вышивальщицы, резчики по дереву, мастерицы-ковровщицы любовно готовят художественные сувениры по мотивам некрасовских произведений, отдавая дань уважения своему великому земляку.

Олесь ЛУПИЙ

Фото Н. Козловского.

БЫЛ ВОСКРЕСН

На вечернюю зорьку.

Давно я собирался попасть в Шоды — милую деревеньку, в которой не раз бывал Николай Алексеевич Некрасов и где жил его друг-приятель Гаврила Яковлевич Захаров. Это ему посвятил поэт своих знаменитых «Коробейников»: «Почитай-ка! Не прославиться, угодить тебе хочу...» И вот наконец моя мечта осуществилась: я в Костроме. Очень красивый, зеркально белый, сверхсовременный водометный катер, на борту которого так и написано — «Опытный», вырывается на волжские просторы. За рулем — первый помощник капитана Валентин Николаевич Фирстов. Разговорились, и, конечно, выяснилось, что и сам Фирстов и его родной брат Вениамин, стажер, что стоит сзади,— из семьи потомственных речников. Тут какую семью ни возьми, она непременно уйдет на три-четыре колена в речное дело. Кроме того, обнаружилось, что братья — из деревни Ведёрки, соседней с теми самыми Вежами, в которых и жил ребячий любимец дед Мазай.

До самых Ведёрок мы, к сожалению, не добрались. «Опытный» высадил меня на какой-то тихой пристани, и тут вместе с егерем охотничьей базы мы пересели в лодку. Нет, наверное, речушки живописнее Мези! Лесистые берега ее в заповедных лесах. Окунулись в воду поваленные бобрами осины. В задумчивой тишине то и дело взлетают со свистом утки. И я представляю, как охотнику тяжко сидеть сейчас на веслах.

Шоды — на крутом взгорье. Дома, то поновее, то постарее, стоят друг к другу плотно, с богатейшей резьбой — на загляденье. Такое впечатление, что их нарочно ставили ряд к ряду. Оно так и оказалось: Шоды много раз горели, а потом сюда перебирались крестьяне из окрестных, уже совсем захудавших деревень.

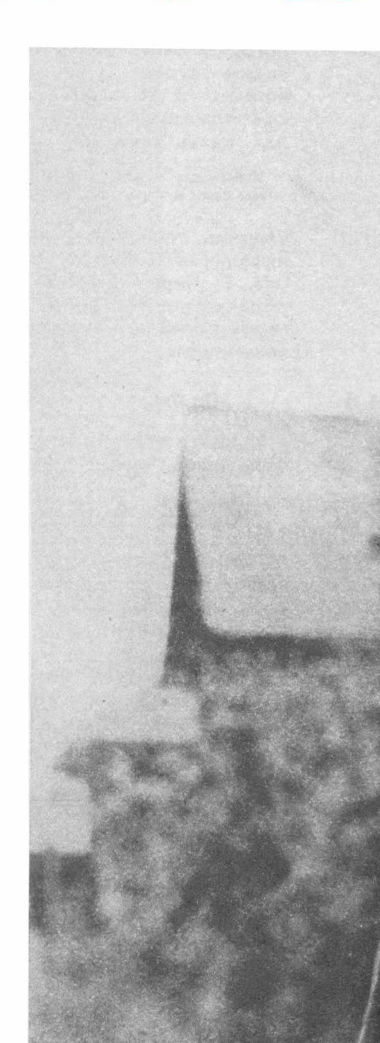
День был воскресный, по улице шел народ, хорошо одетый, веселый. Где-то слышалась гармонь, а я все вглядывался в лица, искал типажи. И вдруг навстречу, как по заказу, медленно, степенно вышагивает прямой старик с окладистой, неимоверно живописной бородой. Уж не дед ли Мазай собственной персоной? Фамилия почтенного старца — Григорьев Алексей Сергеевич. Ему уже под восемьдесят, но бодр. Согласился познакомить нас со своим приятелем. Фотоаппарат у меня на прицеле, но я и блокнот достал.

«Захаров»,— стал я записывать, не веря еще себе, фамилию второго долгожителя деревни Шоды: а вдруг он имеет какое-либо отношение к тому самому Захарову Гавриле Яковлевичу? Повезло мне: имеет! Аркадий Павлович — внучатый племянник Гаврилы Яковлевича, а его сын — сорокалетний Михаил — лесник. Изба, в которой жил некрасовский Захаров, не уцелела. Наследники обжились на новом месте.

Аркадий Павлович достал откуда-то старый-престарый, чуть ли не дореволюционного производства фотоаппарат: начал баловаться, мол, малость по молодости, да перешло это занятие в привычку. А потом стал показывать свои фотографии двадцатых годов. На одной из них Шоды стояли, погруженные по самые окна в воду. Такой она часто бывала в весеннее половодье. На улице, превратившейся в реку, было пустынно. Но моему глазу не хватало на бегущей волне лодчонки с дедом Мазаем и невольными его ушастыми пленниками — дрожащими зверьками...

Б. КУЗЬМИН

Фото автора.

ЫЙ ДЕНЬ

А. П. Захаров.

В. ПОЛТОРАЦКИЙ,
С. ЛАРИН

ПОЕЗДКА В МСТЕРУ

В одной из комнат некрасовского музея в Карабихе, под Ярославлем, представлена небольшая, написанная на пластинке из папье-маше картина художника И. Фомичева «Н. А. Некрасов в Мстере у И. А. Голышева».

О том, кто такой Голышев, а также когда и зачем поэт ездил в Мстеру, неизвестно даже многим из знатоков поэзии Некрасова. А между тем эта поездка отозвалась в его творчестве поэмой «Коробейники» и некоторыми строфами эпопеи «Кому на Руси жить хорошо». Наконец, именно в Мстере родилась у Некрасова мысль начать издание небольших, по цене доступных крестьянину книжечек для народного чтения.

Известно, что детство и юность Н. А. Некрасова прошли в ярославских местах и что оттуда уехал он в Петербург, где развернулось его литературное творчество. По какому же случаю Некрасов заехал в Мстеру — старинное гнездо владимирских богомазов?..

Дело в том, что, кроме ярославских имений — Грешнева, где прошли детские годы поэта, и Карабихи, где жил и работал он, будучи уже знаменитым,— его отцу принадлежало еще небольшое имение Алешунино, расположенное на Оке, в одном из прелестнейших уголков Владимирской губернии.

Алешунино и теперь прельщает заезжих людей великолепием природных богатств. Само село раскинулось по высокому берегу небольшого озера Мичкур. Рядом — лес, а в двух верстах от усадьбы — Ока. Вдоль нее — заливные луга с богатейшими травостоями. К началу сенокоса стеной поднимаются здесь заросли лисохвоста, тимофеевки, белой полевицы, мятлика, сборной ежи, луговой овсяницы. В прошлом эта пойма славилась сказочным обилием дичи, и страстного охотника, каким был Некрасов, конечно же, не могли не привлечь алешунинские угодья. Он наезжал сюда из Петербурга то весной, то ближе к осени, чтобы вволюшку поохотиться. А охота здесь бывала захватывающей. Летом 1853 года в письме к столь же страстному охотнику, другу-литератору И. С. Тургеневу Некрасов писал, что весной в окрестностях Алешунина он ежедневно настреливал по нескольку штук всякой дичи, а уток встречалось такое множество, что их он и бить перестал...

Кстати, в том же письме к Тургеневу Некрасов, как бы извиняясь за столь беспощадный отстрел весенней дичи, объяснял, что приехал в алешунинские места с «долговременного голода», имея в виду, что давно не охотился.

По обыкновению Некрасов ехал в Алешунино из Петербурга через Москву, а потом на Владимир, Ковров, Вязники, Гороховец, а оттуда по левому берегу Оки добирался в свою усадьбу. Одно из таких путешествий выразительно описано им в романе «Тонкий человек».

Из Алешунина Некрасову случалось ездить и в свое ярославское Грешнево. Туда он добирался уже другим трактом: от Вязников на Шую, потом на Иваново, а далее через Гаврилов-Ям и село Великое — в Ярославль. И в этом случае ему не миновать было Мстеру, расположенную на том же тракте, в нескольких километрах от Вязников.

Уже и в те времена Мстера числилась слободой, то есть селением, жители которого заняты не столько сельским хозяйством, сколько каким-либо промыслом. Основным занятием мстеряков было писание икон, изготовление фольги для окладов и производство лубочных картинок. Мстера была известна и своими офенями—коробейниками, торговцами-разносчиками, ходившими по всей Руси-матушке. Набив заплечные короба товаром, офени пешком отправлялись к Вятке и Вологде, к Воронежу и Смоленску, а иные пробирались и за Урал. Но мстерские офени так же, как и мстерские иконописцы, были не свободными ремесленниками, а оброчными крепостными графа Панина, которому принадлежала в то время слобода Мстера. Лишь немногим из них удавалось откупиться от помещика и получить вольную.

Поэта Некрасова, творчество которого теснейшим образом было связано с русской народной жизнью, безусловно, интересовал своеобразный быт крепостных ремесленников.

Весной 1861 года по пути из Петербурга в Алешунино Некрасов остановился во Владимире и от редактора «Губернских ведомостей» К. Н. Тихонравова узнал, что в Мстере живет любопытнейший человек — крестьянин И. А. Голышев, увлекающийся археологией и присылающий в «Губернские ведомости» заметки из истории местного края. Дед этого историка-краеведа Кузьма и отец Александр Голышевы были крепостными иконописцами графов Паниных. Самого Ивана Александровича одиннадцатилетним мальчиком отправили в Москву учиться литографскому делу. В Мстеру он вернулся уже шестнадцатилетним юношей, вполне владеющим литографским искусством. Отец его к тому времени, оставив иконописное ремесло, открыл в слободе лавочку и приторговывал ходовыми иконами и дешевой галантереей, снабжая этим товаром главным образом коробейников.

При содействии отца молодой Голышев основал в Мстере типолитографию на шесть ручных станков для выпуска лубочных картинок и «образков», отпечатанных на бумаге,— «листоушек», как называли их в Мстере. Картинки раскрашивались от руки. Занимались этим преимущественно женщины-надомницы. За тысячу раскрашенных лубков Голышевы платили надомницам по рублю серебром. Но у малоискусных мастериц раскраска получалась слишком грубой. Чтобы подучить молодежь, И. А. Голышев с дозволения графского управляющего открыл в слободе воскресную рисовальную школу.

Некрасову захотелось лично познакомиться с крестьянином-археологом. Знакомство состоялось летом того же 1861 года.

В статье публициста-народника А. С. Пругавина «Книгоноши и офени», опубликованной в «Северном вестнике» (1893 г.), приводится устный рассказ И. А. Голышева о встрече с поэтом.

«Летом 1861 года к нашему дому подъехала дорожная коляска, запряженная не то тройкой, не то четверкой лошадей. Из коляски вышел господин невысокого роста с бледным лицом и спросил: может ли он видеть Голышева? Я поспешил навстречу приехавшему и отрекомендовался ему»,— вспоминает Голышев.

«Незнакомец оказался поэтом Некрасовым, слава о котором, разумеется, давно уже долетела до нас. Он объяснил, что едет в Петербург из своего имения и что нарочно заехал в Мстеру, чтобы узнать об офенях и о книжной торговле, которую они производят. Разумеется, я с полнейшей охотой предложил ему сообщить все интересовавшие его сведения.

Некрасов долго сидел у нас; подробно расспрашивал о книжной торговле офеней и ходебщиков; затем, напившись чаю, он попросил показать ему наш магазин»...

В магазине, который показывал поэту Голышев, имелись запасы картинок и книжек вроде собрания анекдотов о шуте Балакиреве, повестей о Бове Королевиче и об английском милорде Георге. Имелись также портреты «знатных особ» — прусского фельдмаршала Блюхера, воинствующего реакционера архимандрита Фотия и даже фальшивомонетчика Сипко. Вот эту-то макулатуру и разносили по Руси торговцы-ходебщики...

Не тогда ли, может быть, еще неясно, вчерне, возникли у Некрасова строки, отчеканившиеся затем в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени запасалися
Своим товаром в ней.
. . . .
Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!

И дальше, уже как раздумье о будущем:

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой, люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

Нам скажут: «Позвольте, ведь в поэме Некрасова прямо названо место, где была эта лавочка: «Кузьминское богатое, а пуще того — грязное торговое село...». Это, конечно, так. Но у поэтов своя география. Они могут заставить вас поверить в существование «Подтянутой губернии, уезда Терпигорева, Пустопорожней волости» и деревень «Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова, Неурожайки тож...». И вы поверите, потому что приметы их взяты из самой жизни, как были взяты Некрасовым приметы той лавочки Голышева, в которой запасались печатными товарами мстерские коробейники...

После осмотра лавки поэт сделал хозяину ее предложение: он, сочинитель Некрасов, займется изданием для народа небольших брошюрок, которые будет составлять из своих стихотворений, а Голышев начнет распространять их через офеней. Тут же условились, что брошюрки будут выходить в красной обложке и называться «Красными книжками».

Был ли этот договор оформлен каким-либо документом — неизвестно. Но менее чем через год, 28 марта 1862 года, Некрасов писал из Петербурга в Мстеру Голышеву: «Посылаю Вам 1500 экземпляров моих стихотворений, назначающихся для народа. На обороте каждой книжечки выставлена цена — 3 копейки за экземпляр,— потому я желал бы, чтобы книжки не продавались дороже: чтобы из трех копеек одна поступала в Вашу пользу и две в пользу офеней (продавцов)— таким образом, книжка и выйдет в три копейки, не дороже».

Брошюры, полученные Голышевым для распространения через офеней, были в красной обложке, на которой значилось: «Красные книжки. Книжка первая. «Коробейники». Сочинил и издал Некрасов. Санктпетербург. 1862».

«Коробейники» вышли из-под пера Некрасова в августе 1861 года. После встречи с Голышевым в Мстере, наслушавшись от него всяких историй, случавшихся с коробейниками, Николай Алексеевич поехал не в Петербург, а в свое ярославское имение Грешнево, где, что называется, «под запал», по свежим впечатлениям и написал поэму в семьсот с лишним строк.

В том же году «Коробейники» были опубликованы в журнале «Современник», а потом

«Кому на Руси жить хорошо». Работа художника И. Фомичева.

поэт включил их в первую «Красную книжку», правильно рассудив, что офени охотнее будут распространять сочинение из их жизни. И действительно, первая «Красная книжка» разошлась почти молниеносно. Напевные, сверкающие самоцветами живой народной речи стихи Некрасова легко запоминались, передавались из уст в уста, а начало поэмы вскоре стало одной из любимых народных песен.

Торговля «Красными книжками» для офеней и Голышева была выгодным делом. Однако новых партий ходового товара от Некрасова не поступало. Поэт в это время был расстроен неприятностями, возникшими вокруг «Современника»: издание журнала по распоряжению цензуры приостановили на восемь месяцев. Тогда же был арестован один из ближайших друзей Некрасова, Н. Г. Чернышевский. Но в апреле 1863 года поэту с большим трудом удалось получить разрешение на выпуск второй «Красной книжки». В нее вошли стихотворения Некрасова «Забытая деревня», «Огородник», «Школьник», сказка А. Ф. Погосского «Бобыль Наум-Сорокодум», опубликованная за подписью «А. Фомич». Некрасов готовил и следующие выпуски, намереваясь в ближайшем из них представить стихотворение поэта-декабриста К. Рылеева, но вследствие цензурного распоряжения издание было наглухо прекращено.

Попытка Некрасова использовать коробейников в целях распространения книг для народного чтения немедленно нашла подражателей. Так, русский академик, экономист и географ В. П. Безобразов — уроженец города Владимира, часто наезжавший в родные места с целью изучения экономики края,— узнав от И. А. Голышева об успехе «Красных книжек» Некрасова, тогда же начал выпускать брошюры под названием «Письма из деревни», которые при посредничестве Голышева распространялись теми же коробейниками.

К слову молвить, в нынешнем, 1971 году издательство «Советская Россия» предприняло издание серии небольших книжек под таким же названием — «Письма из деревни», посвященных актуальным проблемам сельской жизни. Авторами первых брошюр выступили известные наши писатели — М. Шолохов, С. Шуртаков, Г. Радов, И. Винниченко. Однако с продвижением этих книжек в деревню дело обстоит не блестяще. Большинство книг оседает в городских книжных магазинах и киосках. В настоящее время торговлей книгами в деревне почти всецело занимается потребительская кооперация. Но магазины сельпо неохотно берутся за это дело. Им невыгодно торговать книжками,— денежный доход от них слишком мал. Куда прибыльнее продажа изделий ликеро-водочного производства...

Что же получается? Поэт Некрасов и достойные его современники искали действенные пути продвижения книги в народ, а нынче эти поиски как-то завяли, хотя потребность чтения в народе возросла необыкновенно. Да не подумают придирчивые критики, что мы ратуем за возрождение ремесла коробейников. Нет, время их миновало, ушло безвозвратно. Но мы за то, чтобы те, кому поручено дело книжной торговли в сельской местности, были инициативнее и изобретательнее, чтобы они искали новые формы пропаганды и продвижения печатного слова, соответствующие нашему времени.

Однако вернемся к некрасовской поездке в слободу Мстеру. Читателям, вероятно, небезынтересно будет узнать о судьбе И. А. Голышева. Имеются сведения, что за двадцать пять лет им опубликовано в «Губернских ведомостях», а также в «Ежегоднике статистического комитета» около 480 статей и заметок преимущественно исторического характера. Голышева можно назвать одним из первых собирателей фольклора во Владимирской губернии. Он записал много народных песен, сказаний, пословиц. В 1864 году за свои труды Голышев был награжден серебряной медалью статистического общества. Эта награда имела для него большое значение. Дело в том, что отец Ивана Александровича, человек грубый, отличавшийся жестоким характером, не одобрял увлечений сына, считая их блажью и баловством. Он хотел видеть в нем только «добытчика». Для самого-то старика Голышева главной заповедью было «не обманешь — не продашь». Сын же продолжал свои историко-этнографические изыскания. За непослушание отец грозился принародно высечь его розгами. А сделать это в то время было довольно просто. Хотя крепостное право и было уже упразднено, бывшего крепостного запросто драли розгами либо по распоряжению полицейского урядника, либо по приговору сельских старшин. Но если крестьянин имел награду, то сечь его было уже нельзя. Таким образом, медаль избавляла Голышева от телесного наказания...

Дом Голышевых, где Некрасов беседовал с крестьянином — археологом и книготорговцем, не сохранился. Впоследствии, разбогатев, Голышев выстроил новый, двухэтажный, но уже не в Мстере, а по соседству со слободой, в Барском Татарове.

В самой Мстере произошло множество перемен, главным образом после Октябрьской социалистической революции. Революция положила конец ремеслу богомазов-иконописцев, бывшему прежде основным занятием жителей слободы. В советское время Мстера наряду с Палехом и Хóлуем всемирно прославилась ярким, самобытным искусством миниатюрной живописи темперными красками на изделиях и пластинах из папье-маше. Работы лучших народных художников Мстеры являются ценным вкладом в сокровищницу русского национального искусства. Тематика мстерских миниатюристов многообразна. Тонкая, дивная кисть их красочно воспроизводит картины труда и быта современников, героику революции и подвиги советских воинов в сражениях Великой Отечественной войны, события из русской истории и сюжеты, взятые из литературных произведений. Для многих художников вдохновляющим началом явилось творчество великого русского поэта Н. А. Некрасова. Мстерские миниатюристы иллюстрировали такие широко известные произведения Некрасова, как «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо», «Орина, мать солдатская», «Генерал Топтыгин», «Тройка», «Огородник» и, конечно же, «Коробейники».

Они же запечатлели в своих работах приезд Некрасова в Мстеру, его встречу с И. А. Голышевым. К этой теме обращались художники Н. Клыков, А. Котягин, И. Морозов и лауреат республиканской Государственной премии имени И. Е. Репина И. Фомичев, картина которого и выставлена в некрасовском музее в Карабихе.

И получается вот что: поездка в Мстеру отозвалась в творчестве Некрасова «Коробейниками» и ярмарочными картинами поэмы «Кому на Руси жить хорошо», но теперь уж сами эти произведения поэта вдохновляют и побуждают к творчеству художников нового времени, ибо пламя искусства неугасимо.

Карабиха — Владимир — Алешунино — Мстера.

Сцена из спектакля. Поэт среди крестьян-странников.

Фирс ШИШИГИН,
народный артист СССР,
главный режиссер театра
имени Волкова

ВРАЧУЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

В дни, когда вся страна отмечает 150-летие со дня рождения Н. А. Некрасова, нет чести большей, чем готовиться к премьере спектакля, посвященного поэту. Но велика трудность и ответственность, стоящая перед нами, земляками великого поэта!.. Драматическую поэму «Штурманы грядущих бурь» написал ярославец, в прошлом артист нашего театра, а потом литератор и драматург Николай Михайлович Север. (Ему же, кстати, принадлежит и мемориальная пьеса о Федоре Волкове, поставленная несколько лет назад.) Автор долго работал над пьесой, сделал несколько вариантов, но не успел, к несчастью, довести ее до конца: жизнь его оборвалась. Нашему коллективу пришлось много раз консультироваться с литературоведами и знатоками творчества поэта, в частности, с доктором филологических наук В. Архиповым и директором музея в Карабихе А. Тарасовым, прежде чем пьесе была открыта дорога на сцену. В деталях эта работа продолжается и сейчас.

В основу спектакля положен один из самых драматических периодов жизни Некрасова — 1859—1862 годы. В конце 1861 года был сослан в Сибирь один из ближайших сотрудников «Современника», поэт-революционер М. Михайлов. В ноябре не стало Добролюбова — «какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!». Летом следующего года охранка арестовала Чернышевского, тогда же правительство запретило на восемь месяцев некрасовский журнал. Поэт «остался одиноким», «ни в ком опоры не имел»... В самом мрачном состоянии приезжает он в родные места, любимая охота не тешит его. К недоумению егеря, он даже не замечает пролетающих уток. «Душно!.. Буря бы грянула, что ли?..»

С этой сцены и начинается спектакль. Последующие картины переносят зрителя по времени назад, в Петербург и Москву, раскрывают перед ним предшествующие тяжкие события.

Но могучий талант не был сломлен. Выстоял в трудную годину. Истоки силы Некрасова в глубинной животворной связи его с народом. В центре спектакля встреча поэта на реке Солонице с крестьянами — прототипами героев поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Эта сцена как прелюдия перед бурным взлетом. Простые люди земли с их горестями, радостями и мечтами всегда питали «кнутом иссеченную Музу» Некрасова. Завершается спектакль встречей воспрянувшего духом поэта с теми же самыми мужиками на речке Солонице. Им он читает первые главы своей рождающейся эпопеи.

К участию в спектакле привлечены лучшие наши силы. Роль Некрасова исполняет народный артист РСФСР В. Салопов, Чернышевского — Сергей Тихонов, в ролях Добролюбова, Тургенева и Михайлова — молодые наши актеры Анатолий Пешков, Юрий Подсолонко, Лев Бутенин. Художник спектакля — главный художник театра Э. Р. Фрорип; музыку написал заслуженный деятель искусств РСФСР А. А. Нестеров.

Напряженно, вдохновенно трудится в эти дни весь коллектив театра — участники спектакля и декораторы, костюмеры и гримеры. Спектакль о великом земляке — для нас большой экзамен.

«Штурманы грядущих бурь». Справа налево: в роли Тургенева — артист Ю. Подсолонко; Н. Чернышевский — С. Тихонов; Н. Добролюбов — А. Пешков; Н. Некрасов — народный артист РСФСР В. Салопов и в роли М. Михайлова — Л. Бутенин.

Фото Л. Шерстенникова.

ИНЫХ ВРЕМЕН, ИНЫХ КАРТИН ПРОВИЖУ Я НАЧАЛО...

Галина КУЛИКОВСКАЯ

«Карабиха стоит диссертации...»

Всего пятнадцать километров от Ярославля до Карабихи.

Обычный городской автобус, развернувшись под стенами монастыря, проезжает мимо длинного трехэтажного здания с единственным подъездом и низкими обветшавшими ступенями. По этим ступеням поднимался сто с лишним лет назад поэт, потому что тогда тут был не городской почтамт, как сейчас, а Пастуховская гостиница и номер 1 числился за ним. В ту пору Карабиха еще не принадлежала Некрасовым, потом, когда у Голицыных было куплено это небольшое имение, поэт у Пастухова уже не останавливался, а прямо следовал старинным почтовым трактом, существующим еще с петровских времен. Ныне он называется Московским шоссе, и по нему, покрытому вызутюженным до блеска асфальтом, мчится наш переполненный автобус. И не ямщицкие тройки с бубенцами, не купеческие тарантасы и не грохочущие крестьянские телеги встречаются нам. Грузовики с зерном, картофелем и капустой, молокоцистерны, тягачи с машинами и лесом, легковушки всевозможных марок, обгоняя друг друга, скользят по шоссейной глади. Но больше всего автобусов — рейсовых, туристских, междугородных...

«Поля несколько раз сменяются рощами и перелесками, долины — холмами и пригорками»,— писал известный некрасовед, член-корреспондент Академии наук СССР В. Е. Евгеньев-Максимов, сорок с лишним лет назад проезжавший по этой дороге.

И вот наконец белокаменные столбы, напоминающие — прав был Евгеньев-Максимов — яснополянские ворота. Только они не «едва сохранились», как было замечено в свое время, а восстановлены с величайшей тщательностью, как и все остальное в усадьбе поэта: флигеля, постройки, цветники, дорожки в парке, четырехгранные стеклянные фонари. Но, конечно, гордость этого реставрированного архитектурного ансамбля — большой дом, возвышающийся своим бельведером над густо облитыми октябрьским золотом кленами, и первый при въезде, что слева от него, флигель. В этом флигеле жил, наезжая в Карабиху из Петербурга, поэт. Здесь он творил.

Синие тяжелые шторы на окнах, синие турецкие диваны, синие кресла, даже перья на чучелах охотничьих трофеев отливают синим. И грезится, что в синих сумерках из дальних комнат неслышно выйдет смуглый, черноглазый, худощавый человек с длинными волосами и тихим, глухим, с хрипотцой голосом прочтет элегии. А может быть, по привычке будет мерить шагами гостиную, погладит псов, что улеглись перед беломраморным камином, постоит у окна, обращенного на светящуюся ртутью речку Которосль, или подойдет к высокой конторке и возьмет перо. Некрасов писал, как известно, свои стихи, поэмы стоя. А «для работы» — редактирование, ответы авторам и все остальное, что приходилось делать редактору «Современника» и «Отечественных записок»,— служил письменный с красным сукном стол. Он стоит в кабинете, что рядом с гостиной.

Директор усадьбы-музея Анатолий Федорович Тарасов замечает, что обстановка кабинета подлинная, перевезена сюда из Ленинграда и воспроизведено все, как было при жизни поэта.

Очень много труда и любви надо было положить, чтобы придать усадьбе ее прежний облик, найти вещи и предметы мемориальной ценности, документы и архивные материалы. Потому что без всего этого невозможно было бы развернуть в большом доме обширные литературно-художественные экспозиции, то патетически, то задушевно рассказывающие о жизненном пути, общественной деятельности и литературно-историческом значении творчества Николая Алексеевича Некрасова.

На задрапированной красным стене — портреты Чернышевского, Некрасова, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Островского, Успенского, Панаева... Это — ядро «Современника», самого передового, боровшегося за отмену крепостного права прогрессивного журнала России середины XIX века. Внизу, под прозрачными колпаками, громоздятся тома в полном комплекте по годам. И под каждым годом цифры: 1856-й — 2 800, 57-й — 4 200, 61-й — 7 000. Семь тысяч экземпляров в год! Таких тиражей не знал в те времена ни один журнал. И тут же второй ряд цифр, тоже по годам: изъято цензурой 21 печатный лист, 40 листов, 56 листов. Арифметика эта — безошибочный барометр, указывающий на направленность журнала и на степень накала внутренней обстановки в стране накануне реформы.

Тарасов прошелся по залу, задумался. Он мог бы с удивительнейшими подробностями прокомментировать любой экспонат музея. Хорошо знает он и места на Ярославщине, где бывал поэт. Чего стоит только одна история с охотничьим ружьем, которое он, Тарасов, разыскал в Макарове! Рассказывает Анатолий Федорович взволнованно, увлеченно и всякий раз будто впервые. Поджидая директора — приехала большая группа экскурсантов,— я подошла к шкафу в его кабинете, взяла трехтомник Евгеньева-Максимова. На титуле размашистым почерком во всю страницу надписано Тарасову: «Не забывайте, что восстановить Карабиху — это стоит не только кандидатской, но и докторской диссертации». Какая связь существовала между ними — ученым и директором?

— Владислав Евгеньевич — мой учитель,— пояснил, возвратившись, Тарасов.— Он читал курс литературы в Ленинградском университете, где я учился, и руководил моей дипломной работой, посвященной Некрасову. Он и направил меня сюда, в Карабиху.

Увы, диссертацию Тарасов действительно не написал, хотя мне и попадались его оригинальные статьи, проливающие свет на отдельные страницы из жизни поэта. Однако Карабиха чудесно возрождена. Пуще прежнего ослепительно белы ее ухоженные дома, и бесконечен разноплеменный поток жаждущих встречи с великим поэтом. Неоглядно людское половодье в жаркие июльские дни, когда с полянки под сенью деревьев, где больной Некрасов читал своим близким про Марию Волконскую, звучат нынче голоса современных поэтов. Радостно видеть здесь крестьянских детей с фотоаппаратами и блокнотами в руках, вереницы автомобилей, что терпеливо ждут их за белыми столбами, художников, что приходят с мольбертами и долго выбирают наилучшую точку у главного подъезда...

Самобранка та рукотворная!

Нет, не в Подтянутой губернии, не в уезде Терпигореве и не в Пустопорожней волости лежат наши Дубки. Если следовать иносказательно-символическому приему, использованному в поэме «Кому на Руси жить хорошо», то местоположение Дубков выглядело бы так: «В Свободной губернии, Радостном уезде, Изобильненской волости»... Впрочем, не будем забегать вперед. Нет никакой нужды прибегать к аллегории, рассчитывать время и угадывать землю. Земля Советская, год 1971-й. Конкретно — Ярославская область, Ярославский район, совхоз «Новый Север». Его владения на десятки километров раскинулись по обеим сторонам шоссе Ярославль — Москва, по-старому — Московской дороги, то есть той самой «столбовой дороженьки», на которой, как утверждают исследователи, изучавшие топографию поэмы, и «сошлись семь мужиков: семь временно-обязанных».

Карабиха тоже расположена на совхозной земле, среди десятков совхозных поселков, сел и деревень. Нет среди них, разумеется, Заплатова, Неелова, Разутова или Неурожайки... Другие встретились названия: Щедрино,

Нагорнсе, Ананьино, Кормилицыно, Дубки... Однако есть и Наготино. Может быть, то самое, в котором бабы указали странникам адресок Матрены Тимофеевны Корчагиной, счастливой «губернаторши». Кстати, наш путь лежит в тот край: за Наготином, в Кормилицыне, живет Арсений Староверов, местный старожил. С него мы и наметили разведать, как живется-можется наследникам братьев Губиных, Луки, Демьяна, Прова, Романа и Пахома-старика.

С холма Карабихи «столбовая дороженька», вся в асфальте, скатилась вниз, остановилась. Тут Красные Ткачи. Поселок и фабрика, построенная еще до революции. Корпусов с дороги не видно, только трубы. Заслонили промышленность этажи большого универмага, жилых домов, новой школы-десятилетки. Еще дальше широкой улицей вдоль шоссе стоят новенькие из светло-серого силикатного кирпича дома под шифером. Все как на подбор, смотрят в четыре окна. Перед каждым палисадники, а на задах амбары, огороды. Вот вам и Наготино!

До Кормилицына рукой подать — на другом берегу Которосли, юркнувшей под автомагистраль. Дом Староверова показали тотчас — стоит в нескольких метрах от асфальта, потемневший от времени, с традиционной русской резьбой на окнах.

Арсений Алексеевич, беленький, сухонький, сидел в передней на скамеечке и был занят обычным стариковским делом по сезону: подшивал валенки.

На подоконнике лежали книги горочкой — произведения классиков и современных писателей. Пришло то времечко, когда «не Блюхера и не милорда глупого», а Белинского и Гоголя мужики берут. Над книгами — газета «Правда».

— К чтению я сызмальства склонный, с шести годков. Нищий у нас ходил по избам, от него и перенял науку — буквицы в слога складывать. А учиться мало пришлось: отец был сам-тринадцатый. Как десять мне минуло, привел к себе в кузницу. Я и на хозяина, в ткацкой, успел поработать. И все мог в крестьянстве. Колхозы сколачивали — мы первыми пошли. Председателя замещал.

— Воевать пришлось?

— В японскую добровольцем записался, да вовремя сыграл назад. А в империалистическую пришлось. Тяжелое ранение получил. Пять суток без памяти. Отошел. Снова погнали в окопы. Да тут дело обернулось другим концом: листки в окопах стали читать, с немцами брататься. Между прочим, я постоянный подписчик «Правды» с того дня, как в партию вступил. Уже сорок пять лет. В гражданскую Махно ходили бить. В Отечественную сын воевал. В гвардейской дивизии от Сталинграда до Прибалтики дошел. Там и погиб.

По мере того, как дед Арсений рассказывал, на память все чаще приходил образ грозного корёжина, деда Савелия из бессмертной поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

— У Некрасова бываете?

— В большом дому? Много раз был там. С Николаем Алексеевичем мы разминулись. Рано помер он. А вот брата его, Федора Алексеевича, помню. Картошку ему еще возил по сорок копеек за мешок. Потом сын его, Борис Федорович, тут хозяйничал... Дорого, близко нам, крестьянам, все некрасовское. В Грешневе два раза был. А сколько раз песни, стихи Некрасова читал, не вспомню. Больно уж Николай Алексеевич нашу крестьянскую душу чуял. До нутра. А как о женщине писал — заплачешь. Должен вам сказать, не перевелись такие женщины в наших селениях? С Анной Александровной виделись? С Ивлиевой? В Дубках живет. Директоршей нашей была бессменной двадцать шесть лет. Совхоз подняла и вывела в гору, много орденов у нее. Герой Социалистического Труда. Мудрая женщина.

Подивились мы дедушке Арсению. Порадовались его молодой душе, которая к свету тянется. Пожелали мы Староверовым жить да поживать, ну а теперь к молодым: где старости почет, там молодости дороге быть открытой.

Людмиле Требесовой двадцать девять. Она старший зоотехник огромной птицефабрики. Восемьдесят тысяч кур-несушек, двенадцать миллионов яиц в год — треть всего сельскохозяйственного производства «Нового Севера».

Люсе было всего семнадцать, когда, окончив в Красных Ткачах десятилетку, она появилась в птичьем царстве. Веселым, неумолчным гомоном встретило оно ее. Люсю определили в инкубатор, оператором. Тогда еще в Дубках никакого поселка не было. В километре от Московского шоссе зеленели луга и озими. Говорят, что в этом самом месте, когда Люси еще и на свете не существовало, кудрявилась роща, росли дубки. А может быть, и березы и сосны. Но называли это место Дубками. При Люсе заложили здесь первый кирпичный дом, говорили, что новый поселок будет вроде маленького города — с горячей водой, газом, телефонами, ну и, конечно, с асфальтовыми улицами.

И вот как-то слякотным мартовским днем в первый, еще не достроенный дом Дубков вселились не знакомые никому жильцы. Муж и жена. Совсем еще молодые. Ну не больше сорока пяти на двоих. Вещичек почти никаких, два чемоданчика. Первую ночь спали на полу, укрывались своими пальто. Первоселов прислал, оказывается, строительный техникум. Приехали, чтоб и строить и жить.

Мастер стройцеха Григорий Константинов — а это был он — недолго осваивался, достроил свой дом и заложил еще два. Но развернуться не успел: призвали на действительную. Как только новобранец добрался до места назначения, посыпались жене письма: пришли, мол, такие-то и такие-то учебники и книги. Нес он и армейскую службу исправно и для учебников время находил. Так что дали ему отпуск на десять дней. А Григорий скорей в Москву, в заочный строительный институт. Вот что, неуемный, задумал! Выдержал экзамены. Так каждый год и ездил. А как вернулся в «Новый Север», Анна Александровна Ивлиева, директор совхоза, назначила Константинова старшим прорабом и стала присматриваться к нему. Она очень высоко ценила людей, которые не тратят попусту времени, дорожат каждым часом. Она и к Люсе Требесовой приглядывалась внимательно. Та уже старшим оператором была в инкубаторном цехе.

Люся работала легко и аккуратно — словом, красиво! С юношеской горячностью и неприкрытой наивной любознательностью она стремилась знать больше, чем ей нужно было как оператору. Но этим-то она и привлекала Ивлиеву. Нравилась Анне Александровне, члену обкома партии, делегату XXIII партийного съезда, и общественная активность Люси. В комсомоле — заводила. Вот уже и в Ленинград засобиралась: избрали ее на Всесоюзный слет победителей похода молодежи по местам революционной, трудовой и боевой славы.

Но директор, как любящая и разумная мать, наблюдающая за развитием своего ребенка, ждала от Люси еще одного шага. И Люся его совершила: стала студенткой заочного сельскохозяйственного института, отделения птицеводства. Теперь Анна Александровна была в ней уверена окончательно.

1968 год был значительным для Константинова и для Требесовой. В этот год Ивлиева повысила энергичного строителя в должности: сделала своим заместителем. Исхлопотала специально для него штатную единицу в Москве, в министерстве. Он к тому времени был уже инженером и подал на второй факультет — экономический. А с Требесовой вот что произошло. Старший зоотехник по птицеводству уходила на пенсию. Люся испугалась, когда ее вызвали в контору совхоза. В кабинете директора уже сидели секретарь парторганизации, главный агроном, главный ветврач.

— Поможем,— сказали ей.— На себя берем ответственность прежде всего. Сами с тебя глаз спускать не будем, но и ты не робей: приходи, спрашивай!

Приходила, спрашивала, стесняясь. Особенно Люся совестилась к Анне Александровне приходить. Анну Александровну можно было застать дома только поздно вечером. Ивлиева конечно, ее всегда в любое время приглашала: «Входи, входи». Но сама была такая усталая, бледная. Маленькая, худенькая, в простом домашнем халатике, она усаживала Люсю за стол, сама садилась напротив, доставала сигарету, иногда уходила в другую комнату. Люся уже знала зачем: глотала капли или таблетки. Сказывалось напряжение десятилетий и особенно военных и послевоенных лет, в течение которых эта миниатюрная, хрупкая на вид женщина, не щадя себя, не давая себе ни отдыха, ни покоя, пренебрегая отпусками, руководила сложным и разнообразным огромным хозяйством. И как руководила! От победы к победе, до знамени, врученного нам на вечное хранение!

Еще через год Анна Александровна Ивлиева подала заявление с просьбой освободить ее от занимаемой должности. Сменил ее на директорском посту по ее предложению и по ее же настоянию — рекомендовали и других — Григорий Ефремович Константинов. Для того, предусмотрительная, она и сделала его своим заместителем, чтоб привыкал к административной работе.

Если у нее кто-нибудь спрашивал, почему ее выбор остановился на Константинове, она отвечала:

— Грамотный, предприимчивый, без чванства, к людям подход имеет. А самое главное — молод, напорист и не теряет времени даром. Ему тридцать один. Я начинала в двадцать девять. И хорошо: все впереди, есть перспектива, можешь разворачиваться, дерзать. Руководить надо учиться смолоду. В пятьдесят лет человека поздно назначать директором — будет думать о пенсии.

А сама? Ушла на заслуженный отдых?

Приглушенно гудят высокие светлые шкафы с мигающими лампочками. Это не электронно-вычислительные машины, а «универсалы» последних выпусков — инкубаторы. Напротив «универсалов» стоит стол — рабочее место зоотехника. За этим столом можно увидеть двух одинаково подстриженных женщин, точно обе ходят к одному и тому же парикмахеру (а может быть, и ходят?). Темные волосы одной безжалостно побиты инеем. Другая головка — светло-русая, молодая. Анна Александровна и Люся. Просто зоотехник и старший зоотехник.

Роднит их не только профессия. К Некрасову они тоже относятся одинаково: влюбленно. Люся, например, может на память читать целые страницы из поэм «Русские женщины» или «Мороз, Красный нос». Вместе они ходят на дни поэзии в Карабиху, вместе обсуждают Люсины рефераты и делятся впечатлениями о поездках. Анна Александровна объездила чуть ли не весь свет. И живут они в нескольких минутах ходьбы друг от друга, в чудесно родившихся на Люсиных глазах Дубках: Ивлиева — на улице Октябрьской, Люся — на улице Некрасова. У Люси отдельная современная городская квартира в кирпичном доме, впрочем, как и у всех жителей Дубков. Тут каждый дом — полная чаша.

Не тут ли, в Дубках, под соснами, была зарыта заветная коробочка со скатертью самобранной? Всего лишь в версте стояли те сосны «от столбовой дороженьки». От Дубков до Московского шоссе — вот совпадение! — километр с небольшим. Не иначе как то самое место! Только скатерть самобранная, о которой вещала пеночка деду Пахому, оказалась не сказочной, а рукотворной.

Марина, мать солдатская

К «гнезду отцов» — сельцу Грешнево (теперь Некрасово) можно ехать двумя дорогами — старым костромским луговым трактом, коим и пользовался всегда поэт, и через Некрасовское, райцентр Некрасовского района. Второй путь длиннее, но мы избрали именно этот, чтоб увидеть Волгу, и были щедро вознаграждены. Волга здесь изумительна, способна вдохновить не только пылкое, поэтическое сердце. Еще издалека в степи увидели мы ярко-синюю ленту реки. Она то пропадает, то возникает в зеленых пологих берегах. Вдруг, когда Волги не видно, стремительно летит белоснежной стрелой «Ракета». Полное впечатление, что она скользит по зеленому низовью. Приближаясь, мы наблюдали еще один фокус природы. В какой-то миг синяя лента, наоборот, оказалась взлетевшей над низиной. Фантастика! Столь необычным зрелищем мы были обязаны строителям Горьковской ГЭС, поднявшим уровень воды в реке.

Но неповторимая величавость Волги постигается у самой ее воды. Берега у переправы совсем низкие, плоские, пойменные. Где-то далеко сливаются с низкими, такими же плотными, как масса воды, сероватыми облаками. Волна высокая, светло-серая, стальная, зеленоватая. Стога сена, коробочки домов, церквушки будто стоят на воде и вот-вот уплывут. И не надо обладать особым воображением, чтобы представить себе, как,

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки.

Но вот толщу воды, подымая бурунно-пенный шлейф, разрезает «Метеор», важными лебедями проплывают многопалубные теплоходы, движется работяга-баржа. Река наполнена совсем иной, полнокровной жизнью, в наступлении которой не сомневался поэт.

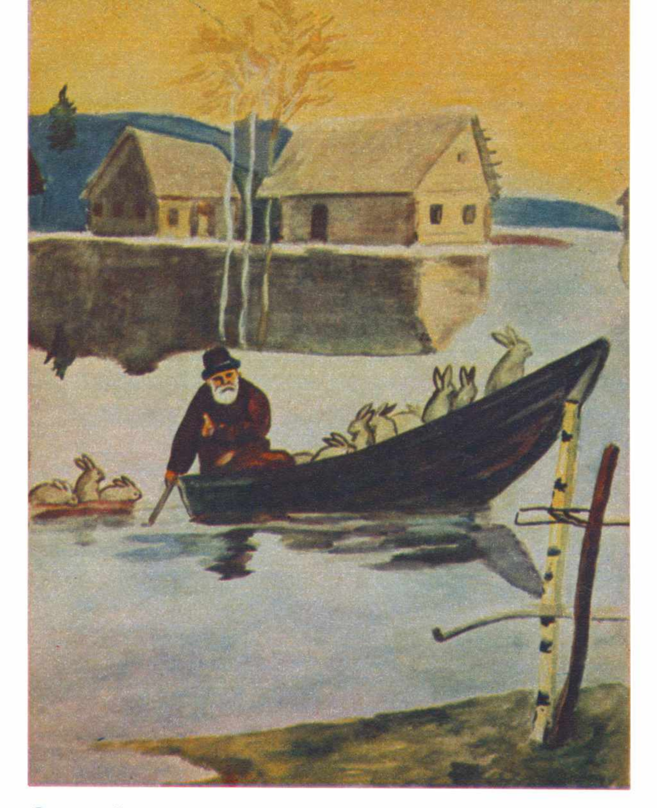
Грешнево возникает в рамке автомобильного окна подобно старинному офорту. На первом плане кирпично-деревянный домик под зеленой крышей, тонкий рисунок оголившихся деревьев. Контрастирует своей белизной и формами с первым домиком куб в голубых зеркальных окнах. Домик — единственное строение, уцелевшее во время пожара родовой усадьбы Некрасовых. В нем жили крепостные музыканты. Сейчас здесь музей. Фотографии и документы рассказывают о детских годах Некрасова, проведенных здесь, «в неведомой глуши, в деревне полудикой», о крестьянах, с которыми он тут встречался и дружил. А предметы быта — прялки, громадные чугуны, лапти, скалки, серпы — воссоздают картину того, как люди здесь жили. Глядишь и вспоминаешь: «А у солдатки Аксиньи девочку — было ей с год — съели проклятые свиньи».

Ведь это же было в Грешневе! А теперь ребятишки любой грешневской Аксиньи, Тамары,

И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою.

Под солнцем осенним родная картина
Отвыкшему глазу нова.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!

Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано...

(Оркестр совхоза «Новый Север»).

И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

Нины или Ольги бегают каждый день в этот нарядный куб — в нем школа-восьмилетка. Открылась она в этом году летом и стоит как раз на том самом месте — как это примечательно! — где была сама усадьба. Могучим деревьям с грачиными гнездами, прикинули мы, сегодня много веков:

Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленой сенью,
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

В Грешневе, с опрятными домами, аккуратно сложенными дровишками у задних стен, ригами и баньками, школа не единственная новостройка. Тут есть и кирпичные домики, и новый магазин, и столовая. Яркие вагончики с занавесками выкатились на пустырь. Что такое? Оказывается, это походное жилье строителей.

Из Грешнева мы едем тем самым костромским луговым трактом, когда-то «березками обставленным», который многократно присутствует в произведениях Некрасова. Справа от дороги холмы забирают все выше и выше, к Теряевской горе. С вершины ее поэт не раз восторгался прелестью неяркой северной русской природы. И мы делаем небольшой крюк вправо, но не к горе, а к голубым куполам Петра и Павла, что под горой. Абакумцево. За оградой белеет мрамор. Стоит удивительно глубокая предвечерняя тишина, не шелохнется ни одна веточка.

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В трех шагах другой, из темного камня памятник. Надпись на нем гласит, что там похоронен Иоанн Григорьевич Зыков. Фамилия эта довольно часто встречается в письмах поэта. «Уважаемый отец Иоанн! — писал Некрасов из Петербурга 27 ноября 1861 года.— ...При свидании со мною Вы выражали желание взять кого-нибудь в помощники себе, и я думаю, что одному действительно трудно справиться; потому, если находите нужным, пригласите учителя, содержание которого я принимаю на собственный мой счет. Кроме того, я всегда готов и рад помогать школе в ее материальных нуждах; почему и посылаю теперь в Ваше распоряжение 75 руб. Через несколько дней Вы получите от меня небольшой запас различных книжек и других учебных пособий».

Из этого письма видно, что священник Абакумцевской церкви, человек по тем временам прогрессивных взглядов, был правой рукой поэта в школе, о которой идет здесь речь. Через дорогу напротив и сама школа — голубая, в два этажа, очень хорошо сохраненная. Мемориальная доска на стене гласит: «Школа создана по инициативе Н. А. Некрасова в 1860 году. Здание школы построено на средства поэта в 1871—1872 годах». К этим словам уместно добавить, что получить разрешение на открытие народной школы было далеко не просто и Некрасов долго добивался его. Интересна семья и самого Зыкова. Дочь его, Александра Ивановна, была первой учительницей школы, а сын, Михаил Иванович, тоже пошедший по этой стезе, переехал в Симбирск, где работал с Ильей Николаевичем Ульяновым и на его похоронах произносил речь.

У порога школы вертелся какой-то мальчуган в синей нейлоновой курточке. Как не похож он на своего земляка XIX века, у которого были «ноги босы, грязно тело, и едва прикрыта грудь...».

— Кто таков?

— Шуников.

— Шуников так Шуников! Покажешь свою школу?

Переступаем видавшие виды, будто обкатанные морскими волнами кирпичи, что у порога, и снова та же мысль: «И ОН входил сюда!» И сразу же встреча в зале с НИМ, бронзовым, в окружении живых цветов.

Шуников ведет нас по скрипучей, недавно выкрашенной лестнице на второй этаж, в свой класс, с печью-голландкой, усаживается за парту. Тут, значит, он сидит. А класс, как сказочный теремок, весь в веселых картинках, буквах, со счетами и палочками.

— Вы к Некрасову приехали? А мы уже учили: «Однажды, в студеную зимнюю пору...»,— преисполненный серьезности, медленно выговаривает Шуников.

— Вот спасибо, друг, обрадовал! Где же ты живешь? Что мама — дома?

— Мама дома. Вышла на пенсию зимой. А живем мы недалечко. Наш дом с самого краю, у выгона. Пошли?

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц.

(Людмила Требесова, старший зоотехник птицефабрики «Новый Север».)

Не торопись, мой верный пес!..
Еще успеем мы стрелять.

— Э, так у вас тут весело! — заметила я, когда мы оказались в просторной, опрятной горнице.

Мальчишки тетешкали, отбирая друг у друга, краснощекого малыша. У телевизора, прислонив палку к стулу, сидел немолодой человек. Пахло свежим, принесенным со двора накрахмаленным бельем, что громадной грудой лежало прямо на столе и ждало, пока его погладят.

Наш провожатый Шуников куда-то исчез, видимо, побежал за матерью, которая была в коровнике или на огороде. Мужчина, опираясь на палку, встал, засуетился, усаживая нас. И в это время раскрылась дверь.

На пороге стояла очень светлая женщина, с круглым, немножко скуластым лицом, широкая в кости, крепкая, и добрыми серо-голубыми глазами выжидательно смотрела на нас.

— Марина Федоровна Шуникова,— с достоинством ответила она, подавая руку. Во всем ее облике чувствовалась «внутренней силы печать». Мой коллега, вооружившись аппаратом, стал искать точку для съемки. Но боже мой! Какой тут поднялся переполох! Все Шуниковы от мала до велика задвигались: кто-то убирал белье со стола, кто-то что-то доставал и нес матери. «Мама, надень вот этот синий костюм, он тебе к лицу». Дочь бросилась ее причесывать. Хозяин захромал к комоду, отыскивая красную коробочку. И вот уже первоклассник Шуников взялся прикалывать ордена матери. У него это не совсем выходило, и, мягко отодвинув в сторону мальчика, взялся за дело старший брат.

В разгар радостной суматохи к дому подкатил на велосипеде еще один Шуников — загорелый, лобастый юнец в вылинявшей гимнастерке, в выгоревших солдатских брюках и в высоких резиновых сапогах.

— С чьего плеча?

— Сашина одежа. Моего второго,— отвечала Марина Федоровна.— Коле форма очень полюбилась. Коля еще мал, чтоб служить. Телок совхозных пасет.

Так вот она кто, Марина (чуть не Орина) Федоровна! Мать солдатская! Девять сыновей у нее. Двое отслужили в армии, двое еще служат. Остальные подрастают. Но прежде она сама была солдаткой.

Шуникова повела меня в кухоньку. Уселись мы на скамье возле печи рядышком, и стала она рассказывать:

— Хозяина, Леонида Никандровича, в июне проводили сорок первого, еще, помню, среда была. Беда народная, а я рожать надумала. Владимиром ходила. Двадцатого июля Володя появился, первый наш. Тут бы радоваться, да куда там! Известно, что в войну всяко было. Лен мяла, на лошади пахала, на быке пахала, корзины плела по ночам. В конюшне работала. В сенокос пойду — всех обгоню. Сильная была, молодая. Встанешь раньше всех, ночь еще, сижу кручу машинку, Володе штаники шью, а ворочалась домой позже всех. Идешь и мучаешься: жив ли, нет ли? Почтальонка треугольники уже перестала мне носить. Победу объявили. Гармошки заиграли! А мне нож по сердцу: Леша мой гармонистом был первым в селе. Поженились мы по любви, сама выбрала, годочка два всего и пожили. Какой ни есть, а воротился бы! Дождалась красного дня! Только солнышко мне в этот день плохо светило. Не сам пришел — привезла мне Леонидушку из госпиталя провожатая. Голова, нога, руки — все в бинтах, живого места нет. «Помирать,— сказал,— Марина, приехал».

Ох ты, горюшко горькое! Как размыкать тебя? У нас говорят: горе горюй, а руками вовой! Не дала я помирать Леонидушке. Как за сыном малым за ним ходила. На закукорках таскала. Как? А так. Взвалю на спину, на плечи и несу. В баньку носила и обратно. Зимой посажу на саночки и везу. На собрания в бригаду возила, когда ему полегчало. Хотелось и ему побыть с народом, на людях. На третий год пошел сам. Сперва на костылях, потом с палочкой. Работать помаленечку почал. Я на ферму перешла в доярки.

Марина Федоровна выпрямилась, легко подхватила на руки раскричавшегося всеобщего любимца, внука своего:

— Баиньки Андрюша хочет! Баиньки Андрюше пора!..

Ну кто усомнится в том, что именно о ней, Шуниковой, писал Некрасов:

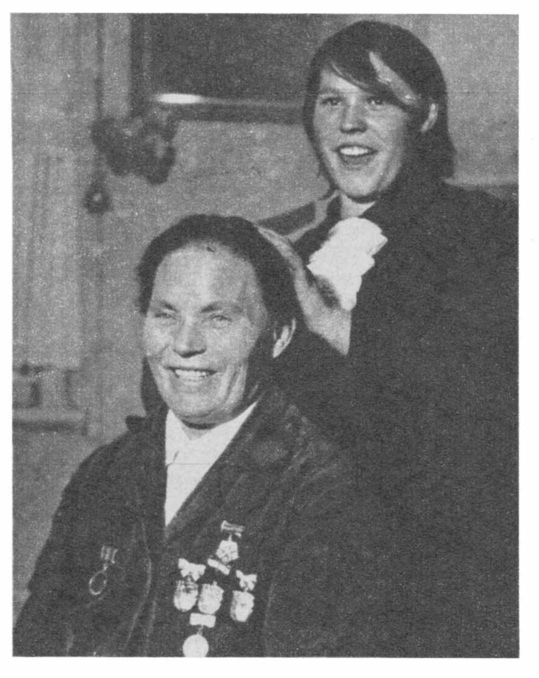
В беде — не сробеет,— спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

— Ну, а как сыновья подросли, стала и их собирать на военную службу. Одного отправляю, другого встречаю. Первым Саша пошел. Андрюша — его сынок. В воздушных силах служил, по радиочасти. Письма из Эстонии мне казенные приходили — похвальные листы от командования за успехи. С нашивочкой вернулся. Ефрейтором. Жениться надумал. Свадьбу справили ему. Я еще в Москву за подарками ездила. Отделился от нас, в Некрасовском живет. Шофер. Владимир, первенец, еще раньше свою семью завел. В армии не служил: освободили его как старшего в многодетной семье. А Федя служил. Ох как далеко, в Бурятии. Только прошлой осенью пришел. Неодетым оказался: в старое не влезает. В плечах раздался, вытянулся. Стали мы ему из общего котла отчисления на костюм откладывать. Да вдруг перевод оттудова, из Бурятии, из части, где он служил. Сто четыре рубля. Он мне всю до копеечки сумму и вручает. Вот подарочек-то, обрадовал сынок! А потом вызвали в военкомат его, Ленинскую юбилейную медаль вручили. Федя еще с нами живет, пока холостой. Зерно в совхозе возит, шофер. Вот и сейчас повез на элеватор, в город. Костя, четвертый наш сын, еще до армии женился. Танечка, внученька, растет, а он воинскую службу несет. Письмо от него получили из Литвы, чувствует себя хорошо, пишет, что все у него в порядке. А Сережа все из Рязани приветы шлет, тоже с действительной. Он у нас десять классов закончил, помощником сварщика работал, этим маем призвали. Что-то с ухом у него было не в порядке, еще дома болел, так там, писал, лечить его стали. Хорошие у меня ребята. Ничего плохого о них сказать не могу. Заботливые. Друг дружке помогают. И мне, что ни скажу, подсобят. А то нам с Тоней было бы не управиться со всеми мужиками. Тоня — единственная доченька наша. Поехала было в Ярославль на кордную фабрику, с год поработала, вернулась. «Не могу,— говорит,— мама, без Репки. Все вспоминаю Репку». Репка — моя любимая корова на ферме была. А Тоня еще махонькой все бегала ко мне на дойку, помогала, прикипела сердцем. Как я на пенсию ушла, так она с городу вернулась и вместо меня встала. Надои у нее самые высокие на ферме. Вот если бы спросили, в чем мое женское счастье, я бы сказала: что все дети мои при мне. Все на родной земле остались. А самая большая радость, когда сыновья из армии ворочаются. Уж так они меня обнимают! Так целуют!..

«Орину, мать солдатскую» поэт писал в Карабихе в 1863 году. В основе этого стихотворения лежит, как известно, рассказ самой Орины. По словам А. А. Буткевич, сестры поэта, Некрасов, чтоб поговорить с нею, делал несколько раз крюк: «А то боялся сфальшивить». Не исключено, что этот крюк как раз и приходился на Абакумцево, Грешнево или на какое-либо иное село возле них. Впрочем, это не так уж и существенно, где жила некрасовская Орина. История, поведанная ею, была типичной:

...ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни.

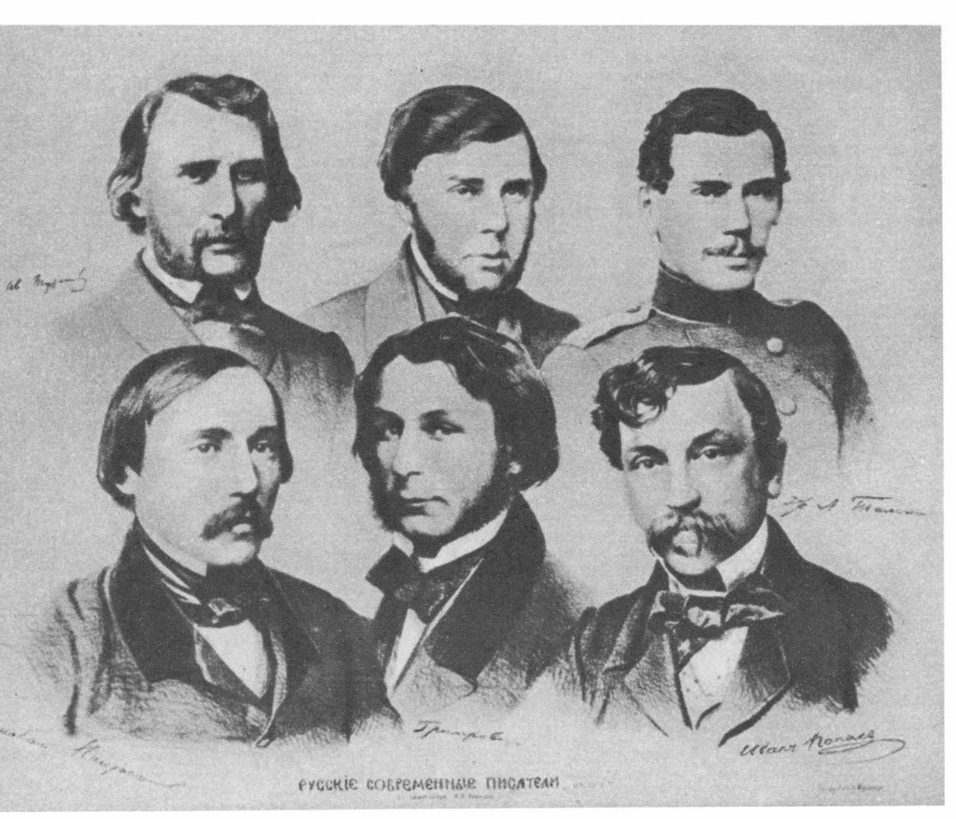
Точно так же типична для наших дней история, поведанная Мариной, матерью солдатской. Матерью-героиней из Абакумцева. Редкая мать не солдатская мать! Типична для наших дней незаурядная судьба Анны Александровны Ивлиевой — человека большого государственного ума и таланта. Типичен для наших дней путь молодого специалиста сельского хозяйства Людмилы Требесовой. Нет, не измельчал, не поблек, как опасался сто лет назад Некрасов, а развился, возвысился тип русской женщины, величавой славянки! Обогащенная духовно, исполненная высокого гражданского долга, она явила миру новую человеческую красоту. И, может быть, не так уж случайно, что именно крестьянская дочь ярославской земли покорила космос. Поистине русскому народу «пределы не поставлены»!

Марина Федоровна и Тоня.

«КАКОЕ БЕСПОКОЙСТВО ОБ ИНТЕРЕСАХ ЛИТЕРАТУРЫ»

А. ЕРОХИН

Некрасов в группе сотрудников «Современника» (И. С. Тургенев, В. А. Соллогуб, Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, И. И. Панаев). Литография В. Тимма. 1857 год.

Кабинет и квартира Владимира Ильича Ленина в Кремле. Здесь он жил и работал с весны 1918 года до весны 1923 года. Сейчас тут музей, и все сохраняется в святой неприкосновенности, как было при Ильиче. Посетители музея, приезжающие сюда со всех концов планеты, дивуются исключительной простоте обстановки, в которой жил и трудился великий Ленин. Единственным богатством его кабинета и квартиры являются книги.

В библиотеке Владимира Ильича, как ни у кого другого, много вырезок из газет, журналов, книг. В страннической судьбе революционера Ленин до революции не мог завести своей библиотеки — эту возможность он получил лишь после Великого Октября. При частых переездах было легче перевозить вырезки необходимых для работы статей, чем толстые тома книг, журналов, газет. Эта привычка вырезать для сохранения наиболее ценные материалы осталась у Владимира Ильича и после победы Великой Октябрьской революции. Вот почему в его библиотеке множество вырезок из книг, газет, журналов и прошлого и нынешнего веков.

У меня на столе двенадцатый номер журнала «Русское богатство» за 1894 год. На страницах 193—199 нахожу статью Л. Нелидовой, которая также хранится в кабинете Владимира Ильича в Кремле. Статья озаглавлена «Встреча с Н. А. Некрасовым».

Вот выдержки из этой статьи:

«Мое знакомство с Некрасовым нельзя назвать даже и знакомством. Это было краткое свидание, случайное и единственное, и тем не менее воспоминание о нем сохранилось одним из наиболее сильных моих впечатлений того времени.

Было это в 1875 году. Некрасов был в Москве проездом в Крым, куда отправился (уже с зачатками роковой болезни) по совету Боткина. Он прожил несколько дней в Москве по делам и пожелал видеться со мной.

Основанием для этого желания была небольшая, написанная в то время вещица, незначительная настолько, что не стоило бы и упоминать о ней, если бы не она послужила предлогом для посещения».

К сожалению, автор воспоминаний не называет этой «вещицы», не рассказывает о том, как она попала к Некрасову. Но сам факт, что признанный при жизни великим поэт замечает произведение неизвестного ему молодого автора, говорит о многом.

«Видеть у себя великого писателя, говорить с ним — казалось счастьем незаслуженно огромным. Время для свидания было выбрано и назначено заранее. Волнение мое увеличивалось с каждой минутой ожидания.

Некрасов приехал с точностью в условленный срок...»

Встреча со знаменитым поэтом так взволновала молодую писательницу, что она даже не смогла вспомнить первых минут разговора с Некрасовым, его слов, его лица. Но потом доброжелательность, сердечность поэта передались и молодой девушке, и она смогла позже подробно рассказать об этой встрече:

«Меня поразил прежде всего тон Некрасова, оттенок бережной и как бы почтительной внимательности, с которою он обращался ко мне. Мы словно поменялись ролями. Не я была начинающим, никому неведомым автором, а как будто бы он — всего только посредником, скромным просителем. Ни малейшей тени сознания своего значения, желания играть роль, произвести впечатление не было заметно в нем. Он говорил со мной так, как будто бы я была Жорж Санд, и он, исполняя поручение редакции, решился просить меня продолжать занятия литературой и сотрудничать в «Отечественных записках».

В самом деле, случай редкостный в литературе. Всемирно известный поэт, прочитав первую вещь неизвестного автора, приезжает к нему и предлагает сотрудничать в лучшем, прогрессивном журнале России того времени. Как равный с равной, разговаривает Некрасов с автором о первом произведении Нелидовой:

«НАУЧИТЕ МЕНЯ... Я ХОЧУ РАБОТАТЬ!..»

В мемуарной литературе о Некрасове немало сказано о внимательном, бережном отношении редактора «Современника» и «Отечественных записок» к молодежи, пробующей свои силы в литературе.

Писатель П. Д. Боборыкин вспоминал: «К молодым поэтам едва ли не он один, в тогдашнее время, и относился с настоящим сочувствием, прочитывал множество плохих и часто безграмотных тетрадок и листков, присылаемых отовсюду, охотно печатал все порядочное, любил разговоры о начинающих стихотворцах».

Нечто вроде такой тетрадки с приложенным к ней листком со стихотворениями получил Некрасов и в последний год существования «Современника» из Астрахани. Основное содержание тетрадки — статья «По поводу вопроса о классических и реальных гимназиях». Занимает она 34 страницы, но на первых страницах тетрадки — предпосланное статье и остававшееся до сих пор неизвестным письмо к Некрасову (в основном переписка Некрасова уже опубликована) некоего Е. Г. Валицкого. Сам он на письме дату не поставил, но она устанавливается по содержанию: Валицкий пишет в нем, в частности, что статья его предназначалась для астраханской газеты «Волга», «но... не поместилась в ней», вероятно, имея в виду тот факт, что в самом начале 1865 года астраханская «Волга» прекратила свое существование.

Из письма ясно, что автор его — разночинец, один из тех новых читателей, к которым прежде всего обращалась редакция «Современника». Об этом можно судить по таким признаниям его, как «оригинальный прием доказательств... заимствован мною у школы Фурье», «моя цель склонить умы, преимущественно молодые, на сторону материальных наук» и т. д.

Среди немногих, остающихся неопубликованными писем к Некрасову есть еще одно. Написано оно спустя десять лет, в конце 1874 года, начинающим поэтом, стихотворение которого, явное подражание Некрасову, что видно даже из его заглавия («Разговор гражданина с поэтом»), было уже напечатано.

«Два года тому назад,— писал Некрасову корреспондент из Казани, рекомендующий себя сыном В. Н. Бекетова,—я начал заниматься сочинением стихов, а также и прозы; предоставленный собственным своим силам без всякого руководителя, я дорого купил мои первые литературные опыты — но

«Он упоминал о характеристиках маленьких героев, желал иметь автора в числе сотрудников своего журнала, который представлялся мне в то время чем-то недостижимым, как Олимп, желанным и прекрасным, как Олимп. И вот на этот Олимп меня приглашали войти так просто и легко, как будто и сомнения не могло быть в моих на то правах».

Вполне понятны чувства начинающего автора, молоденькой девушки, делавшей первые шаги на литературном поприще. Она еще не уверена в своих силах, в ее душе надежды сменяются отчаянием.

Л. Нелидова пишет:

«Некрасов дал совет оставить детскую литературу, попробовать силы на другом. «Отечественные записки», по его словам, будут ждать. Для начала, чтобы не запутаться в трудностях, он советовал взять небольшую вещь, повесть или рассказ, или хотя бы еще раз детский роман, но без социального колорита, какой требуется педагогическим целям...»

Добрым светом проникнута вся эта беседа поэта с молоденькой девушкой, и не случайно Л. Нелидова в своих воспоминаниях пишет о солнце:

«Беседа продолжалась недолго... Волнение улеглось, вернулась способность видеть и замечать, и я помню удаляющуюся в даль комнат, освещенных солнцем, фигуру Некрасова в чем-то летнем, светлом у окна. Он остановился на ходу у цветов, хвалил и нюхал цветы и, улыбаясь, сказал:

— Вот, если бы построен был алюминиевый дворец, в него бы этот букет, и назначить заведующим художественным отделом того, кто составлял его. В Петербурге у нас нет таких цветов...»

Л. Нелидова рассказывает о таком характерном для Н. А. Некрасова случае. Одна молодая писательница, напечатавшись в «Отечественных записках», подрядилась на работу в одну из газет за определенную плату. Узнав об этом, Некрасов сам приехал к ней домой, предложил ей платить столько же денег, сколько и газета, и сказал: «Будете ли вы или не будете писать для «Отечественных записок», мне все равно. Напишите, когда явится охота писать. Но не стесняйте себя срочной, спешной работой. Она губительна для молодого дарования».

Про такое прямо-таки отцовское отношение к молодым авторам «Отечественных записок» Л. Нелидова говорит от всей души:

«Сколько в этих словах заботливого внимания, какое беспокойство об интересах литературы!»

И чуть ниже:

«Человек этот любил русскую литературу!»

Сильнее и правдивее не скажешь!

С горечью автор воспоминаний сообщает:

«Когда я приехала в Петербург, он был болен и прислал мне поклон.

Видеться нам не пришлось. Он умер в том же году».

Л. Нелидова говорит о том, что и при жизни и после смерти Некрасова его многочисленные враги травили его, распускали злобные слухи. Но личная встреча с поэтом убедила ее во вздорности этих обвинений. Свою статью-воспоминание она кончает словами известного публициста, соредактора Н. А. Некрасова по «Отечественным записками» Г. З. Елисеева о своем великом друге:

«Он целой головой выдвигался над общим уровнем среды и был со всех сторон виден всем».

Имя писательницы, общественной деятельницы Л. Нелидовой мы встречаем в лучших журналах России конца прошлого и начала нынешнего веков. Она была лично знакома с семьей Ульяновых. Об этом узнаем из ее дарственной надписи на вырезке ее статьи: «Надежде Константиновне Ульяновой-Крупской с искренним приветом. Л. Н.».

Нам неизвестно, при каких обстоятельствах и когда автор воспоминаний подарила свою статью Надежде Константиновне Крупской. Ясно, что Владимира Ильича эти воспоминания заинтересовали.

Н. А. Некрасов. Начало 60-х годов.

вот прошел год моих занятий литературою — и в «Камско-Волжской газете», издаваемой в г. Казани, появилось в № 37 мое первое стихотворение: «Разговор гражданина с поэтом». Это было первое мое стихотворение, удостоившееся печати. Нечего и говорить, как отрадно было мне видеть в печати это стихотворение — свидетеля моего годового труда над литературою. Время шло — я работал. Новые стихотворения выходили изпод моего пера, а мне не с кем было даже посоветоваться насчет их; послал я некоторые стихотворения в одну редакцию — ответа не было. И мне приходилось снова работать, не имея оценки моих трудов. Мне стало тяжело; неудачи меня убивали; энергия моя падала. Я стал спрашивать себя: «И для чего я работаю над литературою? Не есть ли это напрасная трата времени?» — Ответом было тяжелое сомнение. И вот теперь я осмеливаюсь, надеясь на Вашу дружбу к моему отцу, обратиться к Вам с просьбою: помогите мне, Николай Алексеевич! Скажите, следует мне продолжать мою литературную работу или употреблять это время на что-нибудь другое, а литературу оставить в покое. Научите меня! И если Вы полагаете, что мне следует продолжать начатую работу, то не оставьте меня своими советами и укажите мне те источники для моих занятий, которыми, по Вашему мнению, мне необходимо пользоваться. Помогите мне — я хочу работать! Прилагаю при сем письме некоторые мои стихотворения. Ради бога, дайте мне их оценку — я буду ждать ее с нетерпением; если и Вы откажете мне — то мне уже некуда будет обратиться за советом и помощью...» и т. д.

Письмо Бекетова хранится в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Конец его, а следовательно, и подпись, и посланные с письмом стихотворения не сохранились. Однако и из дошедшей до нас части письма ясно, что сам автор его с Некрасовым знаком не был, но отец его был на протяжении не одного года своеобразно связан с деятельностью Некрасова — поэта и журналиста.

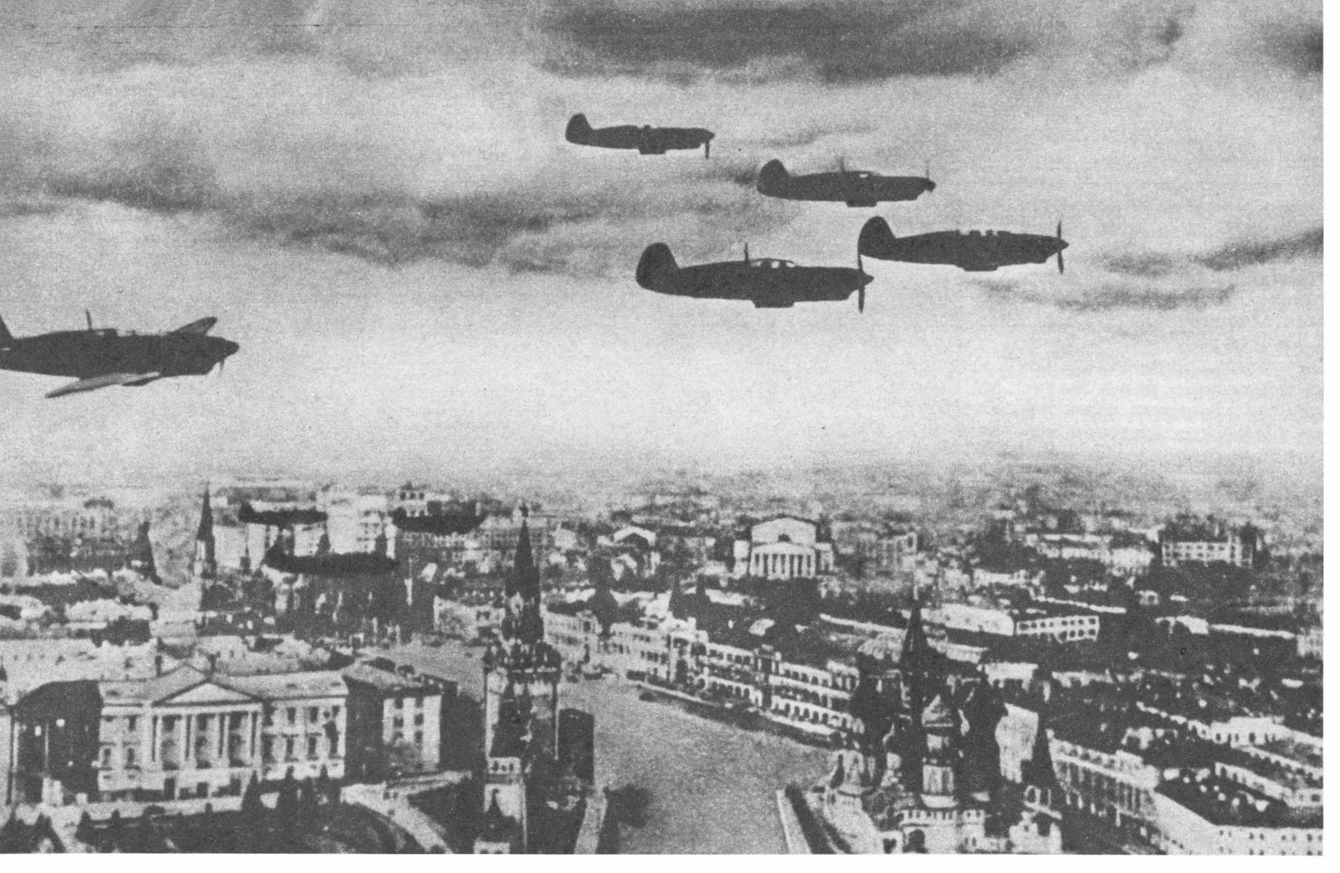
В. Н. Бекетов был «лучшим», по выражению Некрасова, цензором «Современника», а также цензором первого собрания стихотворений Некрасова (1856). За пропуск в печать романа Чернышевского «Что делать?» В. Бекетов был вообще уволен от должности цензора.

Но ни о какой дружбе Некрасова с Бекетовым говорить, конечно, не приходится, и отнюдь не из дружбы к бывшему цензору поэт не мог оставить без ответа такое письмо. По аналогии с другими случаями, когда в набор посылались выправленные Некрасовым стихи прямо на текстах писем, в которых они были присланы, можно думать, что конец письма Бекетова был отправлен в типографию.

Однако настоящим поэтом Бекетов, по-видимому, не стал.

Из сказанного, конечно, не следует, что вся «поэзия», присылавшаяся в некрасовские журналы, встречала его сочувствие и поддержку. Письма со стихотворениями, оставшиеся в архиве Некрасова,— свидетельство того, насколько прав был Боборыкин, говоря о множестве прочитывавшихся поэтом «плохих и часто безграмотных» стихов.

М. БЛИНЧЕВСКАЯ

Стражи московского неба. Год 1941-й.

Фото Г. Белянина.

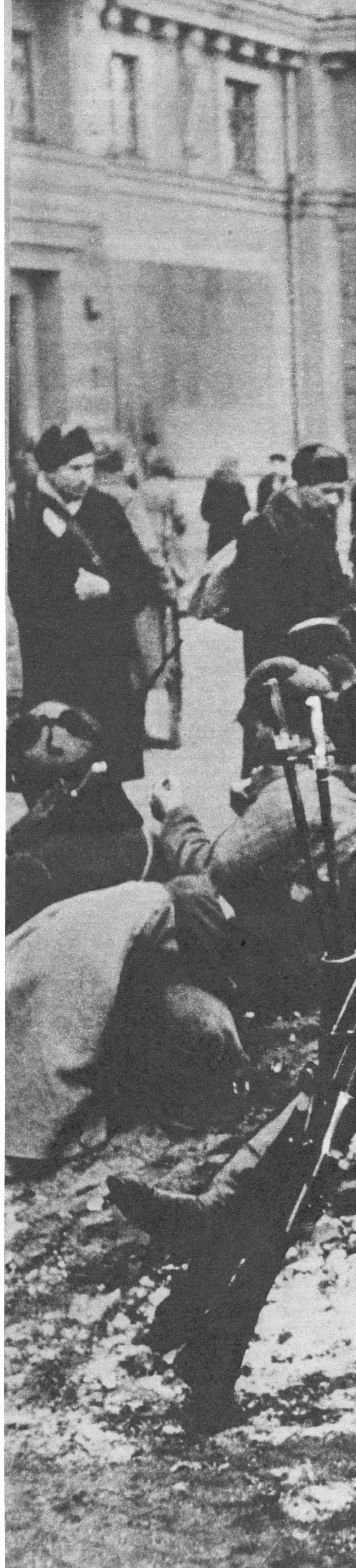
Эти танки, покинув Красную площадь 7 ноября 1941 года, прямо с парада двинулись в бой.

Фото А. Устинова.

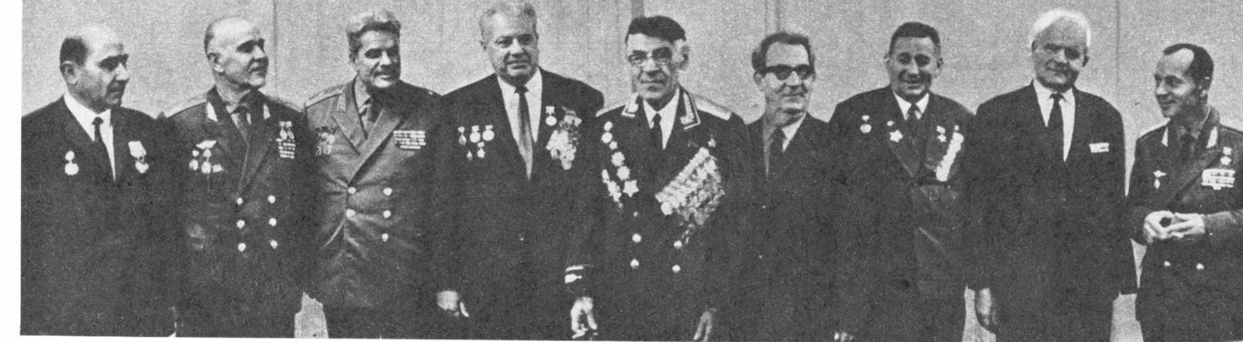
Тяжелые пушки ведут артподготовку, возвещая начало контрнаступления.

Фото И. Шагина.

Слева направо: Г. А. Шадунц, В. М. Малкин, А. П. Горшков, Г. Н. Кулаков, Г. И. Хетагуров, Ю. М. Рубчак, Г. В. Кузякин, И. М. Скачков, И. П. Лавейкин.

ВПЕРЕД, ТОЛЬКО ВПЕРЕД!..

Начало см. на стр. 6—7.

рашние рабочие, даже не одетые еще в военную форму, показывали величайшие героизм и мужество. Они шли на любое самопожертвование во имя защиты своей Родины. Встречали фашистские танки гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Но враг не прошел. В единоборстве с танками пал смертью героя механик Гудков. Погибли командиры взводов Комаров и Королев, командир отделения наладчик Брагин, рабочий завода пулеметчик Титов, геройской смертью пал при отражении атаки комиссар рабочего полка Г. А. Агеев. Еще за участие в гражданской войне он был награжден орденом Красного Знамени. В труднейшие моменты боя комиссар поднимал своих рабочих-бойцов в контратаки, и они шли в рукопашную, отбрасывая наступающие цепи гитлеровцев. За мужество и героизм комиссару Агееву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В ночь на 31 октября на наши боевые рубежи подошли танки и дивизион «катюш».

Воевать стало легче. И хоть Тула была почти окружена, город выстоял на левом фланге обороны Москвы.

Г. В. Кузякин. 1 декабря под Калинином наша дивизия перешла в наступление. Задача: выбить врага, оседлавшего железную дорогу Москва — Калинин. Я командовал в то время ротой автоматчиков.

Сначала мы продвинулись вперед. Но потом немцы перебросили подкрепления, и дивизия остановилась. Бойцы залегли в чистом поле, под вражеским огнем... Ночью меня вызвал командир полка, приказал просочиться через железную дорогу и с тыла напасть на врага. Подошли мы к насыпи, высылаю разведку — как будто все тихо. Только по ту сторону, слышно, работают моторы, что-то гремит, лязгает. «Ладно,— думаю,— под этот шум нам легче незаметно перейти».

Шепотом подал команду. Встал, поднялся на насыпь... И вот уже мы на другой стороне. Немного прошли, остановились у какого-то села.

Слышу: гремят танки. Прямо на нас идут! Приказываю готовить гранаты. Мы пропустили танки так, что они оказались прямо перед нашей ротой. Я скомандовал: «Давай гранаты!» Загремели взрывы. Бойцы у меня были как на подбор, гранаты бросали метко. Сразу вспыхнуло несколько машин. Потом еще и еще... Враг растерялся, заметался, кинулся удирать, не ждал, видно, что здесь на него нападут! Мы за ними ворвались на улицу. Наши тоже открыли огонь. Думаю, как бы не попасть под свои пули... Но к утру, часам к девяти, мы полностью освободили село. Тут я был тяжело ранен — в живот и в ногу одновременно. Но я не хотел бросать роту. Лишь часам к двенадцати, когда кровью начал исходить, согласился, чтоб отправили меня в город Бежецк.

Г. А. Шадунц. Эпизод, о котором я хочу рассказать, произошел под городом Лобня, недалеко от Дмитровского шоссе. Именно на эту автостраду был нацелен танковый клин гитлеровского наступления на Москву.

Батарею 864-го зенитного полка ПВО, где я служил командиром орудия, срочно перебросили сюда. Зенитчики должны были остановить танки, которым оставалось пройти до Москвы всего около тридцати километров... Разведка доносила, что враг подвозит осадную артиллерию для обстрела столицы.

В тот памятный день, 1 декабря, на наши позиции двинулись вражеские танки. Стреляя из орудий, они шли шеренгой, как на параде, видимо, не сомневаясь в успехе.

Еще ночью вражеский артобстрел вывел из строя два орудия нашей батареи, и теперь мы могли противопоставить танкам лишь две пушки. Зенитное орудие — точное, не подведет артиллериста. Надо только правильно его наводить.

Огнем из двух наших орудий мы подбили два танка. Фашисты повернули назад. К вечеру — новая атака. Теперь на батарею шло двадцать три машины. Враг выбрал удобный момент: заходящее солнце бьет прямо нам в глаза, а тут еще снег блестит. Один танк отошел в сторону, вроде бы вышел из боя. Но мы поняли: это корректировщик, он-то и направляет вражеский огонь. Перенесли огонь и мы. Выстрел — и вспыхнул танк! Три фашистские машины бросились к нему на помощь. Мы по порядку, одну за другой расстреляли и эти машины. Три выстрела — три вражеских танка.

Расправившись с фланговой группой, переносим огонь в центр бронированного строя. Вокруг нас рвутся снаряды... Убит заместитель командира батареи Громышев, погибли артиллеристы Артамохин, Асымбаев, Пономарев. Некому подносить снаряды!..

И тут из хаты, у которой стояло наше орудие, выбежала женщина, стала подносить снаряды. Мы знали, что у нее в погребе пятеро детей... Старший — ему было лет тринадцать — тоже покинул убежище и принялся помогать матери. Солдат Конев был тяжело ранен в голову, но не ушел от орудия: ведь танки еще шли...

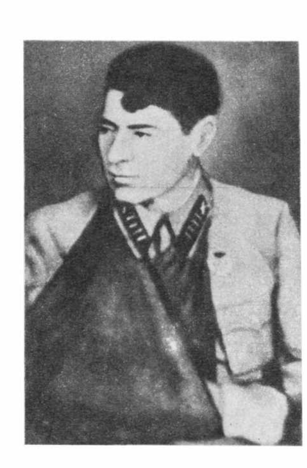
Эта женщина и сейчас живет в том доме. А улицу жители Лобни назвали Батарейной. На месте боя, где нам удалось остановить фашистские танки, ныне стоит 85-миллиметровая зенитная пушка. С этого памятного рубежа началось наше великое контрнаступление.

И. М. Скачков. В памяти советского народа навсегда останется грозная осень и зима сорок первого года. Вместе с ветеранами битвы за Москву готовятся торжественно отметить ее тридцатилетний юбилей партизаны и подпольщики Подмосковья.

Трудящиеся Можайского района создали три партизанских отряда. Приходилось действовать в трудных условиях прифронтовой полосы, насыщенной вражескими войсками. Но нам помогало буквально все население. Это очень облегчило борьбу. Помогала нам и надежная связь, налаженная с командованием 5-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Говоров. По нашим данным, авиация этой армии наносила удары по вражеским ча-

Вчера эти москвичи были рабочими, инженерами, учеными, преподавателями. Сегодня они уходят на фронт с дивизиями народного ополчения.

Фото А. Устинова.

1941 год. Полковник Г. И. Хетагуров. Фото из фондов Музея Вооруженных Сил.

стям. Особенно удачной была штурмовка одного из аэродромов.

За короткий срок (фашистам не удалось долго хозяйничать в нашем районе) партизанские отряды стали грозной силой в тылу врага. Сотни гитлеровцев пали от руки народных мстителей. Дважды немецкому командованию пришлось снимать с фронта регулярные части и бросать их против партизанских отрядов. И это в дни напряженнейших боев за Москву!

Г. Н. Кулаков. В год сражения у стен Москвы мне довелось быть комиссаром партизанского отряда, действовавшего в районе города Жиздры. Командовал отрядом прославленный вожак партизанского движения автор книги «Это было под Ровно» Дмитрий Николаевич Медведев.

Отряд создавался из москвичей. Было в нем много молодежи, спортсменов. К примеру, адъютантом Медведева был известный в стране девятикратный чемпион страны по боксу Николай Королев.

Под Новый год наш партизанский отряд захватил прифронтовой город Жиздру. Особенно нас интересовало здание гестапо. Мы располагали сведениями, что там работает резидент вражеской разведки, засылающий к нам диверсантов и предателей, которых мы, впрочем, сумели разоблачить.

Операция была поручена старшему лейтенанту Подчинихину. Дмитрий Николаевич Медведев, как всегда, разработал эту операцию буквально по часам: дал Подчинихину три часа на марш, два на штурм города и полтора на поиски гестаповского резидента.

Гитлеровцы в ту ночь праздновали рождество. Подчинихин и его партизаны устроили гитлеровцам «фейерверк» к этому празднику: разгромили комендатуру, полицейское управление, перебили гарнизон. Подчинихин обосновался в кабинете бургомистра. Через час к нему начали прибывать посыльные от поисковых групп. Доклады были неутешительны. Вражеский резидент как в воду канул...

Кроме трофеев, захваченных во время боя, Подчинихин приказал погрузить в сани сейф, который стоял в кабинете бургомистра. На месте сейф этот вскрыть не удалось.

В партизанском лагере сейф вскрыли и нашли более миллиона советских рублей и десятки тысяч немецких марок. Был у нас один партизан, который в тот день провинился. Так мы в наказание заставили его считать деньги...

Но самым интересным были не деньги. В сейфе лежала обычная канцелярская папка с надписью «Дело». В этой папке Дмитрий Николаевич обнаружил заявление некоего Александра Владимировича Львова на имя шефа гитлеровской службы безопасности. Этот самый Львов писал, что он приветствует приход нового порядка на землю своей «многострадальной родины» и что теперь предлагает свои услуги гитлеровцам.

Тут же, в папке, лежали и немецкие документы — результаты проверки личности Львова и назначение на пост контрразведчика по партизанским делам. Медведеву стало ясно: этот Львов и есть тот самый резидент, которого партизаны искали в Жиздре.

Когда Медведев увидел эти документы, он решил снова захватить Жиздру. Дмитрий Николаевич, конечно, понимал: повторить такую операцию не просто. Но и разыскать резидента требовалось во что бы то ни стало... И опять партизанам, которых на сей раз повел комиссар батальона Исаев, сопутствовала удача.

На этот раз партизаны заранее перекрыли дороги. Поисковые группы буквально перерыли весь город. И снова все безуспешно. И тут Исаев, который тоже расположился в кабинете бургомистра, обратил внимание на шкаф, что стоял в углу. Распахнул створки — за шкафом открылась потайная дверь.

Исаев взломал ее, очутился в небольшой комнате. На диване, укрывшись шинелью, спал человек. Точнее, притворялся спящим.

Исаев поднял пистолет:

— Вы арестованы, Львов!

Мы сообщили в центр, что за птица оказалась в наших руках, и первым же самолетом отправили предателя в Москву.

Ю. М. Рубчак. В октябре сорок первого года на нашем заводе стала остро ощущаться нехватка кадров: свыше десяти тысяч рабочих ушли на фронт. К станкам становились новые производственники, в основном женщины и подростки.

Как-то маршал артиллерии Яковлев говорил, что в те дни завод Лихачева был арсеналом Московского фронта. Ведь мы выпускали в день тысячи снарядов, многие десятки минометов.

Как работали! По одиннадцать часов в смену... Спали тут же на заводе, между станками. А ведь нас еще и бомбили! Однажды в два часа ночи полутонная бомба повредила трансформаторы. Погас свет. Но ведь нельзя останавливать производство оружия! Хотели договориться с заводом «Динамо», чтобы дали электроэнергию. Да нет связи...

В этот момент на завод приехал Александр Сергеевич Щербаков. Он и организовал подачу тока с соседних заводов. А пока налаживали линию, зашел в один из цехов, где обычно производилась пристрелка автоматов ППШ.

Заходит — а там в темноте молодые ребята под гармонь поют. Подошел Александр Сергеевич к пареньку лет шестнадцати и говорит: «Ты бы отдохнул, пока перерыв». А мальчишка отвечает: «Не к спеху нам отдыхать, вот фашистов побьем, тогда и отдыхать будем!» Щербаков этого парня обнял и говорит: «Верно, нам сейчас отдыхать некогда. Так что веселитесь, пока света нет!»

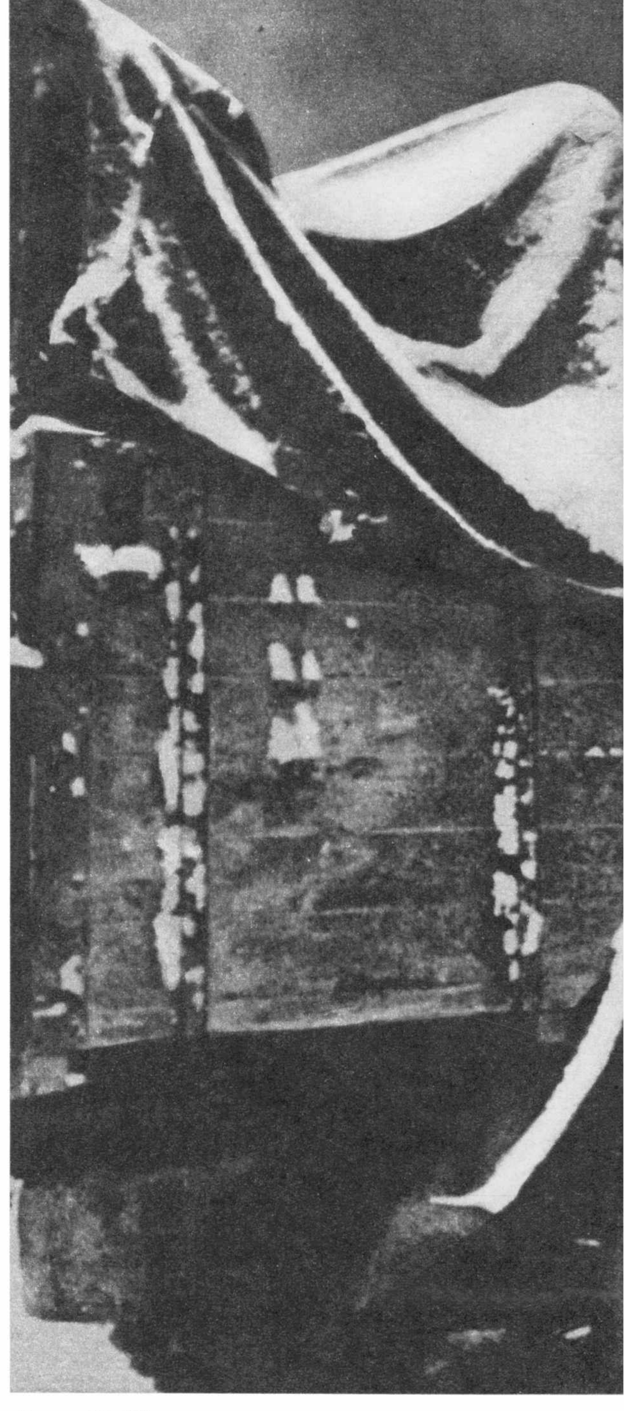
Немецкие летчики старались вывести завод из строя. Однажды все-таки попали в цех, где было около тысячи снарядов. К счастью, бомба не взорвалась. Но пока обезвреживали бомбу, никто, ни один человек не покинул своих станков,— цех продолжал работать. А ведь на рабочих местах стояли женщины...

Помню, однажды кончились патроны, которыми пристреливали новые автоматы. Мы их получали из Тулы. А ее в это время почти окружили немцы. Послали две машины. Наши шоферы и рабочие, кто сопровождал эти машины, взяли по одному автомату и поехали прорываться. И проскочили в город в километре от фашистских позиций. А через день привезли патроны.

Вот какое мужество проявляли наши рабочие ради победы над ненавистным врагом!

Круглый стол вели: Н. БАДЕКИНА, В. ПАВЛОВ, Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ.

Старший сержант Г. А. Шадунц. Декабрь 1941 года.

Фото И. Шагина.

Вот что осталось от хваленой гитлеровской техники.

А теперь мы покатаемся на трофейной пушке! Деревня Черная Грязь.

Есть победа!

ЛИЧНОСТЬ АКТЕРА

Юр. ЗУБКОВ

На следующий же день после выхода на экран первой серии фильма «Петр Первый» исполнитель заглавной роли Николай Симонов — тогда еще молодой актер — проснулся знаменитым.

Популярность фильма и актера росли молниеносно, буквально не по дням, а по часам.

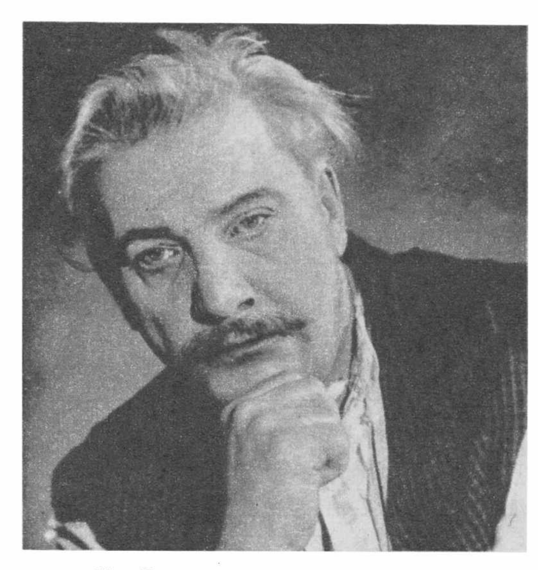
Это была осень тридцать седьмого года. С каждым днем становилось очевиднее, что войны с гитлеровской Германией не избежать и что преградить дорогу фашизму, нанести ему сокрушающий удар сможет только наша страна — родина победившего социализма.

Экранизируя толстовский роман, режиссер Владимир Петров и стремился создать фильм огромной патриотической, мобилизующей силы, который раскрывал бы в живых художественных образах, как

...Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра...

И это ему удалось...

Складывалось впечатление, что сама история, отвечая глубочайшим, сокровенным потребностям людей, шагнула со страниц романа на экран.

Н. Симонов в роли Сатина.

Фото Д. Мовшина.

Николаю Симонову, для того чтобы стать на экране Петром Первым, убедить зрителей в исторической подлинности образа героя, пришлось с помощью многих участников рождающегося фильма проделать огромную работу.

Надо было достичь внешнего сходства с Петром — и сколько же тут было придумано разных ухищрений с париком; наклеивали усы, которые, по описаниям современников, были у Петра жесткие, «как у кошки», и густые, щетинистые брови... Для того, чтобы увеличить рост актера, сапоги были изготовлены на высоких каблуках, да еще внутрь сапог подложены толстые пробки, и Петр на целую голову возвышался над окружающими...

Поиски внешнего сходства, однако, были не самой главной заботой актера. Главным было постижение внутреннего мира, реальных исторических масштабов образа. По собственному признанию Симонова, он целыми днями «просиживал в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, прочитывая десятки редких мемуаров, записок и книг... Посещал Эрмитаж, знакомился с редкими старинными гравюрами и картинами, так разноречиво изображавшими Петра».

Основной вопрос, на который актер должен был (разумеется, совместно с А. Толстым и В. Петровым) ответить прежде всего самому себе, — это вопрос о том, как трактовать Петра: пьяницей и дебоширом, болезненным выродком, как старательно изображала его буржуазная историография, или крупнейшим государственным деятелем, реформатором своей эпохи... И тут создатели фильма выбрали правильный путь, не «приукрашивая» Петра, но и не отнимая у него величия.

Делясь впечатлениями от только что увиденного фильма, замечательный советский писатель Юрий Олеша писал:

«Жизнь Петра похожа на вымысел. Разве не кажется сказочной фигура царя, который сам строит корабль? А женитьба на пленной? А денщик, который стал другом царя? Действительно, эта жизнь является как бы созданием великолепного драматического воображения. Ведь даже заговор сына против отца есть в ней!» И дальше, соотнося образ, созданный актером, с образом историческим, Олеша восклицает, что Симонов «играет замечательно... Мы видим храброго бомбардира, веселого бражника, застенчивого влюбленного, старательного мастерового, галантного танцора, взбешенного царя, посмеивающегося хозяина, печального отца...».

Мы видим, добавлю я, характер крупный, интенсивный, многосторонний, необыкновенно жизнедеятельный.

В силу каких же причин именно он, Симонов, смог стать создателем такого характера, образа такой впечатляющей патриотической силы?! В силу своего глубокого художественного таланта?.. Да! Исключительного актерского обаяния?.. Да! Но все эти замечательные художнические качества могли бы и не проявиться столь полно и сильно или проявиться совсем по-другому, в иную сторону, если бы он, Николай Константинович Симонов, не был художником новой, советской формации, живущим воедино со своей страной, своим народом.

Исторический фильм и исторический образ, созданный актером, удивительно точно вписываются в кинолетопись Времени, ознаменованного монументальными, жизнеутверждающими лентами. В образе, созданном Симоновым, естественно выразились радостное, оптимистическое восприятие действительности, уверенный взгляд художника в будущее.

В творческой биографии Симонова естественно назвать предшественником Петра Первого образ Бориса Годунова из пушкинской трагедии, созданный на сцене Ленинградского театра имени А. С. Пушкина,— театра, которому артист отдал почти всю свою творческую жизнь.

В Борисе Симонова увлекла не трагедия убийцы, терзающегося муками совести, а трагедия государственного деятеля, столкнувшегося со сложнейшими противоречиями своего времени. Мужественный человек, умный политик был сплавлен в образе воедино с деспотическим и жестоким, властолюбивым правителем. Впервые именно в этом образе проявились в полной мере громадные возможности Симонова как актера трагедийного плана.

Но не менее естественно, рассматривая путь Симонова, приведший его к образу Петра, вспомнить и сценические образы современников актера, таких, как Павел в «Виринее» Л. Сейфуллиной и В. Правдухина, Мехоношев в «Конце Криворыльска» Б. Ромашова, Вершинин в «Бронепоезде 14-69» Вс. Иванова, Семен в «Ярости» Е. Яновского, Берест в «Платоне Кречете» А. Корнейчука...

Именно встречи с этими образами, их постижение и сформировали личность Симонова как партийно мыслящего и партийно чувствующего, глубоко современного художника. Личность, способную воспринимать жизнь, действительность во всей их многогранности, в их истинных исторических масштабах.

И по сию пору любит вспоминать Симонов, как в 1926 году родился у него образ военкома Мехоношева в «Конце Криворыльска».

— Человек я был тогда молодой,— говорит актер,— сугубо «штатский»... Долго мучился: не давалась роль. Шел я однажды по мосту через Неву. Меня обогнал военный в шинели. Энергично шагая, он напевал: «Братишка наш Буденный. И с нами весь народ...» В его подтянутой фигуре, великолепной выправке угадывался кадровый командир. «Вот он, мой герой»,— подумал я и ускорил шаг. Но сколько я ни смотрел на спину шагавшего передо мной военного, конкретного, зримого образа у меня не возникало. Спина была весьма выразительна, но недоставало в ней какого-то характерного штриха. И тут произошло неожиданное: ударивший нам в лицо порыв ветра поднял у военного рукав шинели кверху... Он оказался пустой. Да, это был тот герой, которого я искал. Судя по возрасту, герой войны гражданской, потерявший в борьбе за Советскую власть руку, но в полной мере сохранивший боевой дух, волю, мужество, целеустремленность. Таким я и играл Мехоношева.

Рассказ этот чрезвычайно показателен для гражданского и художнического становления артиста... Ведь о Симонове иногда говорят как о романтическом актере. Но он, как всякий большой художник сцены, прежде всего актер характерный... Укрупненность характеров, вздыбленность чувств многих сценических и кинематографических героев идут от страстности мировосприятия артиста, его мысли, стремления выразить свое отношение к действительности, к людям наиболее полно и глубоко.

Нет возможности перечислить роли, сыгранные Симоновым. Но о некоторых из них и не сказать невозможно. Генерал Муравьев из «Победителей» Б. Чирскова — человек поистине романтического склада характера, стратег, политик, мыслитель, характер могучий, энергический и целеустремленный... Федор Протасов из «Живого трупа» — характер чистый и гордый, благородный, беззащитный перед пошлостью буржуазного мира... Пушкинский Сальери, трагически ослепленный фанатизмом... Сатин из горьковской пьесы «На дне», страстно обличающий «свинцовые мерзости» буржуазной действительности и утверждающий человека как средоточие всего прекрасного на земле. И, наконец, Маттиас Клаузен из драмы Г. Гауптмана «Перед заходом солнца»...

Сыгранная Симоновым уже более четырехсот раз роль Маттиаса Клаузена является, как и Петр Первый, вершиной в его творчестве. Как и Петр Первый, она необычайно емко вбирает в себя время с его глубинными процессами и острейшими противоречиями — политическими, социальными, нравственными...

...Раздумывая над проблемами актерского мастерства, Симонов подчеркивает единство внутренней жизни образа и внешнего выявления этой жизни. «И вот здесь-то главное,— говорит он,— актерская техника, такие ее компоненты, как голос, дикция, жест, пластика, сценическая свобода, умение носить костюм, обыгрывать декорации, применять грим, парик, бутафорию, реквизит».

На первый план среди всех компонентов мастерства актер выдвигает голос. «Считается,— продолжает он,— что голос есть у всех. Но тут играет большую роль не только природный тембр, а мастерство владения голосом. Яркие, неповторимые актеры, такие, как Давыдов, Михаил Чехов, Сандро Моисси, Качалов, Юрьев, обладали очень своеобразными голосами, умели пользоваться тончайшими их оттенками для передачи самых разнообразных чувств. Это и обеспечивало им, вместе с другими качествами, исключительное воздействие на аудиторию».

Этим умением в высокой степени обладает и сам Симонов...

«Перед заходом солнца» с Симоновым—Клаузеном и сегодня потрясает страстной, обжигающей, наступательной мыслью, обращенной против античеловеческой сущности мещанства, квинтэссенцией которого стал фашизм... Пьеса, написанная в предвоенные годы, благодаря могучей игре Симонова звучит и сегодня как страстное антифашистское произведение, неся в себе грозный и мощный протест против духовного рабства, любых попыток унизить человеческое достоинство, подчинить свободный полет человеческой мысли и человеческого чувства филистерским догмам.

В чем истоки душевной и художнической молодости артиста, встречающего в эти дни свое семидесятилетие? В органическом сплаве таланта и трудолюбия? Разумеется. Но главное — в сердечной принадлежности своему времени. Оттого-то и все средства актерской выразительности Симонова выверены, отточены и находятся в постоянной боевой готовности, никогда не старея.

В. Якоби. 1834—1902. ПРИВАЛ АРЕСТАНТОВ.

И. Шишкин. 1832—1898. РУБКА ЛЕСА.

К. Савицкий. 1844—1905. РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ.

В. Перов. 1833—1882. ТРОЙКА.

ДЕТСТВО ОСТАЕТСЯ СО МНОЙ

Владимир ЛЯСКОВСКИЙ

Фото В. ХАРАЗЯНА.

Сгущались сумерки. По серебристому склону с отчаянным лаем пробежала собака, а за ней, проваливаясь по колени в хрустящие сугробы, упрямо двигался высокий, жилистый человек в полосатом свитере, в синем берете, надвинутом на лоб.

— Молчать, Мухтар! — крикнул он и приложил палец к губам, словно пес и впрямь понимал человеческую речь.— Ты мешаешь нам ловить шпиона. Понял, Мухтар?

Мухтар подпрыгнул, завилял хвостом, уперся лапами в полосатый свитер и лизнул в ухо человека, притаившегося на снегу.

— Где компас? — кричал он в темноту.— Почему медлят радисты? Разворачивайте рацию... Передайте на заставу, что диверсанту удалось вброд перейти речку. След потерян... Высылайте вертолет. Сигнал для выстрела — две зеленых ракеты. Лазутчик укрылся в пещере «Черный Дракон»...

Похоже на детектив? Верно. Так и было задумано автором операции «Черный Дракон», операции, увенчавшейся полным успехом. В палатке при мигающем свете коптилки романтично попискивала морзянка и дотошные связисты отстукивали на ключе тревожное донесение в штаб. В белых масхалатах, словно призраки, бесшумно занимали свои рубежи проворные разведчики, а у самой скалы застыли те, кто должен был обезвредить шпиона. Когда за перевалом застрекотал «вертолет», командир лихо запустил в небо зеленые ракеты. Мигом затрещали выстрелы. Громче прежнего залаял Мухтар, набрасываясь на кого-то в густеющей темноте.

— Нарушитель государственной границы задержан! — отрапортовал тоненький, вздрагивающий голосок.

Командир сказал:

— За храбрость и находчивость, проявленные в операции «Черный Дракон», объявляю вам благодарность.

А в ответ гулко отозвалось:

— Служим стране Пионерии!

Уставшие и счастливые, с песнями возвращались ребята по крутым извилистым тропинкам в город.

Вожатый Саркис Михайлович Мнацаканян привел ребят к ущелью не только ради экзотики. Такие походы — тренировка, закалка, школа мужества.

Саркис Михайлович умеет заинтриговать ребят, держать их все время в напряжении: «А что же дальше?» Придумав «Черного Дракона», военно-патриотическую игру, Мнацаканян придал ей таинственность, отчего пионеры были, конечно, в восторге.

Саркис — неистощимый выдумщик, фантазер, романтик. То он затевает в ущелье многочасовые баталии, обучая ребят топографии и стрельбе, а девчонки в момент «жаркого боя» становятся санитарками; то разобьет палаточный лагерь где-нибудь в лесу, у горной и шумной речки, предоставляя детям полную самостоятельность: сам поймай рыбу, свари уху, сумей испечь картошку.

— Помилуйте, да кто же этого не делает из пионервожатых? — удивится иной читатель.

Вот тут-то мы и сообщим немаловажную деталь: Саркис Михайлович все это делает свыше сорока лет! Делает самозабвенно, с тонким педагогическим вкусом и тактом, отдавая своему любимому занятию уйму энергии, сил, времени и, безусловно, свой незаурядный талант воспитателя. Причем все сорок лет Саркис руководит одним и тем же отрядом «Линотип».

Не каждому удается сохранить непосредственное, порой наивное, детское восприятие окружающего мира. Право, стоит позавидовать тому, кто не разучился до седых волос удивляться всему на свете, испытывать на каждом шагу чувство неповторимости, новизны. Дети — всегда Колумбы. Саркис — тоже. Этот человек не хочет расставаться с детством, хотя ему скоро и шестьдесят. Как-то он обронил фразу: «Детство всегда со мной».

О его странностях я слышал в Армении нередко: «большой ребенок», «пионерский Дон-Кихот». «Чудак этот Саркис, как ему не надоело возиться с чужими детьми, никто же не заставляет». «Затянувшееся хобби Саркиса». И часто к этому добавлялось: «Какой-то одержимый, фанатик».

Все эти реплики Саркис пропускает мимо ушей, на этот счет у него свое мнение:

— Разве может пионер уйти на пенсию?

Он прищуривает лукаво глаза, лезет в карман пиджака, достает красный галстук, бережно прикладывает его к груди и, вскинув брови, повторяет:

— Пионерам покой противопоказан. Не представляю себя без этого галстука.

Не поза ли это? Не рисовка? Не желание ли выдать себя за бодрячка?

Я не отрываю взгляда от худощавого, одухотворенного лица, наблюдаю за скупыми, но выразительными жестами Саркиса, вслушиваюсь в неторопливую, щедро пересыпанную юморком речь. Никакой фальши. Все у него идет от сердца. Все неожиданно и непринужденно. И все с доброй улыбкой.

Он вдруг обрывает нашу беседу и, взглянув на часы, говорит:

— Продолжим беседу на свадьбе. Хорошо?

— На какой свадьбе?

— Понимаете, одна моя пионерка замуж выходит...

— Что-о? — вырывается у меня.— Пионерка?

— Бывшая, конечно.

...Дверь открывает невеста, в белой фате, с пунцовой розой в смолистых волосах. Увидев гостя, она радуется:

— Гурген-джан, скорей! Наш вожатый пришел! А ты боялся, что не будет тамады. Есть тамада!..

Саркис смотрит на резвушку невесту, протягивает ей букет тюльпанов, галантно целует руку, нарочито вздыхает.

— Ах, как летит время, милая Седа! Ты была в отряде чемпионом по кашам, люля-кебабу и шашлыкам. Конечно, для супружеской жизни это очень пригодится, но отряд потерял такого кулинара, Седа!

Невеста, как выяснилось, окончила политехнический институт, поступила в аспирантуру, готовится защищать диссертацию.

Саркис Михайлович, так же как и его отряд «Линотип», очень популярен в Ереване. В дни Первомая и Октябрьских торжеств колонну школьников на площади имени Ленина вот уже больше тридцати лет подряд возглавляет отряд Мнацаканяна. Ереванцы уже привыкли: чеканя шаг, подняв в пионерском салюте руку, вытянувшись, как струна, идет по площади немолодой человек в синем берете, с красным галстуком на груди. По площади разносится песня:

— Орлята учатся летать!..

Чему же учит своих орлят вожатый?

— Повязав галстук, пионер сразу должен почувствовать себя маленьким гражданином,— делится Саркис.— А обществу нашему, государству каждый пионер обязательно должен приносить пользу. Хоть маленькую, но пользу. На этом держится наш отряд...

Ребята взяли шефство над инвалидами и престарелыми пенсионерами, сажают деревья, благоустраивают родной город. У каждого в отряде — занятие по душе: есть свой кукольный театр, футбольная и волейбольная команды, фотокружок, эстрадный оркестр. Ребята выпускают стенгазету, пишут летопись отряда «Линотип», встречаются с бывшими фронтовиками, с учеными, с рабочими. Да мало ли что придумает неутомимый Саркис Михайлович!

«Наш вожатый», «наш Саркис» — так его называют. У кого-то день рождения — непременно зовут Саркиса. Кто-то получил диплом или защитил диссертацию — приглашают своего вожатого по старой памяти. Родился в чьей-то семье малыш — и тут не обойтись без мудрого Саркиса.

Как-то он сказал:

— Вы знаете, сколько у меня детей?.. Тысяча сто шестьдесят три! — И тут же внес пояснения:— Тысяча сто шестьдесят чужих ребят. И только трое своих — Микаэл, старший преподаватель политехнического, дочь Анаид, инженер, младшая дочурка Наринэ — еще школьница.

В разное время в отряде были люди, которыми сейчас гордятся не только пионеры, но и вся страна: дважды Герой Советского Союза Нельсон Степанян, академик республиканской Академии наук Сергей Амбарцумян, член-корреспондент Всесоюзной сельскохозяйственной академии, Герой Советского Союза Хорен Хачатрян, доктора медицинских наук Норик Авакян, Армен Минасян, Константин Назаретян, поэт Геворк Эмин, народная артистка Армянской ССР Офелия Амбарцумян.

В альбоме отряда хранится множество фотографий разных лет. Показывая их мне, Саркис Михайлович задержался на крохотном снимке, поблекшем от времени. На обороте — расплывшиеся строчки, сделанные химическим карандашом: «Старшина первой статьи... 1942 год».

— Не правда ли, орел? А? Морская душа! Это наш Мисак Овакимян! — восклицает Саркис.— Дрался в Севастополе, под Москвой, под Новороссийском. Высаживался с десантом морской пехоты. Трижды был тяжело ранен. Недавно иду по улице, кто-то окликает: «Товарищ Саркис, одну минуточку». Обернулся. Стоит передо мной плотный человек, седые виски, а глаза озорные. «Неужели не узнаете, товарищ вожатый?» Напрягаю память: чертовски знако-

На даче у Горького. 1935 год. Ромен Роллан, Горький и секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев (второй слева в последнем ряду — Мнацаканян).

Улыбка Саркиса Михайловича.

Генерал армии И. Х. Баграмян, ныне Маршал Советского Союза, в гостях у отряда. 1947 год.

мая ямочка на подбородке. «Помните, как вы учили меня стрелять в «яблочко» из винтовки?» Батюшки, да ведь это Мисак, сорвиголова! Ох, как же он куролесил в классе, досаждал учителям, педсовет махнул на него рукой, мол, трудный мальчик, плохо кончит. Все от него тогда отмахнулись, никто не мог найти ключ к буйному сердцу...

А Саркису удалось это сделать, и помог ему стрелковый спорт. Вожатый разбудил в озорнике дремавшую любовь к оружию. Мисак еще до войны стал оружейным мастером.

— Орел! — заключил Саркис Михайлович.— Да, в каждом сердце таится колокольчик романтики. Надо вовремя его тронуть, чтоб он зазвенел...

— А кто тронул ваш колокольчик? Как это было, Саркис? — спросил я у него. Пауза. Две складочки метнулись к переносице. Наверное, совершает мой Саркис Михайлович экскурс в прошлое. Я молчу. Жду. Правда, кое-что из его биографии мне известно. Вырос в горах. Кузнечил с отцом. Это у них фамильная профессия, отец ей 60 лет отдал. Пятнадцатилетним встал Саркис к наковальне, к горну. Посылал заметки в республиканскую детскую газету «Пионер канч», затем и сам стал журналистом, литературным сотрудником этой газеты, а вскоре и ее редактором. Ныне, вот уже десять лет, Саркис — директор городского Дворца пионеров. Но все эти годы, где бы ни работал, не бросал он свой отряд из школы имени Горького. Уже четырнадцать смен пионеров прошло через его руки, а вернее, через сердце.

Что он называет «сменой»? Это своеобразный цикл. В отряд вступают ребята пятого класса. И до восьмого — четыре года — пионеры не разлучаются с Саркисом. Вожатый передает своих питомцев в комсомол и берет в отряд «Линотип» новую смену. Сам он не снимает красного галстука, хотя еще в 1929 году стал членом ВЛКСМ, а в 1939-м — коммунистом.

Знойным летом 1941 года пионеры провожали Мнацаканяна на фронт. «Я остаюсь вашим вожатым,— сказал им тогда Саркис.— Ждите от меня писем». И он руководил своим отрядом с фронта. Писал ребятам подробные, взволнованные письма о жестоких сражениях, о храбрости и стойкости наших бойцов и командиров. А потом вдруг письма перестали идти, ребята были полны тревоги. Оказалось, Саркис участвовал в морском десанте, на барже высадился в Феодосии. В декабре 1941 года он командовал пулеметным взводом, а когда убило командира роты, возглавил ее. День и ночь шли бои. Через три недели бронебойная пуля ранила отважного командира, пробила заветный красный галстук. Как талисман этот галстук лежал рядом с партийным билетом в кармане гимнастерки.

В «Линотип» стали идти письма от вожатого из госпиталя. А через полгода Саркис снова встал в строй, командовал стрелковым батальоном под Нальчиком. И снова ему не повезло: пятнадцать осколков впились в голову, шею, грудь. Опять госпиталь. Но едва выписался оттуда, поспешил на фронт. И как ликовали ребята, когда узнали, что их вожатый стал майором и в 1945 году был аттестован командиром стрелкового полка...

— Почему я остался вечным вожатым? — Саркис Михайлович произнес эти слова без тени иронии.— Знаете, в общем-то тут винтовка виновата...

— Винтовка? Почему же?

— Глаз у меня, видать, меткий, точный. И рука твердая. В 1929 году по стрельбе я занял первое место в республике и в стране. Меня пригласили на Первый Всесоюзный слет пионеров. Это было похоже на сон, вернее, даже на сказку. Представляете, я видел на слете Крупскую, Максима Горького, Калинина, Ворошилова, Маяковского, Буденного. Все, что происходило на слете, буквально потрясло мое мальчишеское воображение. Был со мной в Москве тогда и наш славный пионер Гриша Акопян, которого потом убило кулачье в селе. Подружились мы с ним в Москве. И клятву дали у Ленинского Мавзолея. Сейчас вот, столько лет прошло, а я иногда будто снова вижу себя на Красной площади. А рядом Гриша. И повторяем мы с ним, как присягу:

Пионерский отряд — моя семья.
Пионерский клуб — мой дом.
Пионерский салют — мой девиз.

Ну, а с клятвой настоящие мужчины не шутят...

■

Батон был очень бледен, спокойно-медлителен, и его огромные черные глаза как будто попали случайно на чужое лицо — как в прорезях алебастровой маски они метались тревожно и живо. Батон понимал, что сейчас его или отпустят, или отправят в тюрьму. Он узнал Шарапова и сказал:

— Мое почтение, гражданин начальник. Как говорится в старой пьесе, «друзья встречаются вновь». Вы уж извините...

— Здравствуй, Дедушкин. Не могу тебе сказать, чтобы я уж чересчур был рад нашей встрече...

— А я, ей-богу, рад. Недоразумение уже, наверное, выяснилось, а с умными людьми пообщаться всегда приятно...

— Точно,— сказал Шарапов.— Тем более что умные люди уже выяснили, у кого ты увел чемоданчик.

— Серьезно? — озабоченно спросил Батон.— Значит, недоразумение все еще длится и теплого, душевного разговора не получится. Кстати, а кого вы подозреваете?

Мы все засмеялись. Батон понял, что переиграл, и сразу выехал на новые рельсы:

— Я имею в виду, кого вы подозреваете, что у него украли чемодан...

А глаза у него метались в маске лица, и мне совсем некстати стало жалко Батона — такой умный, сильный человек посвятил свою жизнь уничтожению самого себя.

Шарапов негромко сказал:

— Прекрати, Дедушкин, волынку. Мы с тобой сейчас не играем. Чемодан ты украл тринадцатого апреля около девяти часов утра в «Дунай-экспрессе» у итальянского гражданина Фаусто Кастелли.

— Да-да, помнится, какой-то господинчик, ехавший в моем купе, показался мне итальянцем... Правда, багажом его я не интересовался.

Савельев сказал:

— Ты бы нас хоть перед иностранцами не позорил. Стыдно.

Батон усмехнулся и сказал с нотой нравоучения:

— Гражданин Шарапов, у вас служат аморальные люди. Даже если бы вы доказали, что я у этого итальяшки махнул чемодан, то разве с точки зрения общественной нравственности это хуже, чем обворовать нашего советского честного труженика? Он ведь, наверное, буржуй и живет скорее всего, как и я, на нетрудовые доходы. Где-то его даже можно причислить к лику агентов империализма. Простые итальянские трудящиеся не катаются по заграницам люксутуром, а заняты классовыми боями.

Вот сволочь-то, еще издевается над нами! А Батон продолжал:

— Судя по задушевности нашей беседы, этот самый Фаусто еще не заявил своих гражданских претензий и имущественных прав. Все, что вы мне говорите, обычные предположения, которые вы любите называть версиями. Я бы хотел более серьезных доказательств моей вины. Ведь я тоже не по своей охоте законы выучил.

— Ну, а вещички в чемодане? — спросил Шарапов. Он говорил спокойно, с каким-то ленивым интересом, будто все происходящее здесь его совсем мало волновало.

— Вещички? — пожал плечами Батон.— Их нельзя считать доказательствами.

— Это почему же? — полюбопытствовал Шарапов.

— Потому что я могу выбрать для себя две линии защиты. Первая: заявляю вам категорически, что чемодан купил целиком у какого-то неизвестного мне гражданина — все, точка. Вторая: открываем широкую дискуссию по презумпции невиновности — я-то ведь не должен вам доказывать, что я не виноват, это вы должны доказать мою виновность. Поэтому речь может идти только об оценке доказательств, а это всегда штука субъективная. Например, старый пожарник, прослуживший всю жизнь в консерватории, на вопрос, чем отличается виолончель от скрипки, объяснил, что виолончель дольше горит. Понятно?

— Да-а, понятно,— кивнул Шарапов.— Ну, что ж, ты меня окончательно убедил: парень ты серьезный. Поэтому посадим мы тебя обязательно...

— Нынешний эпизод, простите, не годится,— покачал головой Батон.— Товар калина, дерьма в нем половина.

— Ладно, посмотрим,— так же легко, без всякой угрозы сказал Шарапов.— Ты бы, Дедушкин, поведал мне лучше что-нибудь про итальянца. Нет настроения?

Батон не спеша осмотрел нас всех, задумался на мгновение.

— Сдается мне: этот Фаусто интересует вас больше, чем я? А, гражданин начальник?

Шарапов кивнул.

— Допустим. Так что?

Батон думал, мы его не торопили. Потом спросил:

— Что — «что»? Ничего!

— Не будем говорить?

— Конечно, не будем.

— Почему?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43, 44, 46, 47, 48.

— Слушайте, Шарапов, вы же умный человек. Неужели вы не понимаете, что такой враг, как этот Фаусто, мне-то гораздо ближе, чем такой земляк, как вы? Его я не знаю и знать не хочу. А вас я знаю так же хорошо, как то, что вы хотите меня посадить в тюрьму. Надо мной не тяготеет моральное бремя патриотизма, поэтому помогать вам ловить кого-то я не стану. И вы в этом тоже виноваты.

— Почему? — по-прежнему невозмутимо задавал вопросы Шарапов.

Батон посмотрел на него прищурясь, будто решал, говорить или не надо. Потом решил:

— Тихонов считает, что мы с ним уже старинные знакомые. Не знаю, говорили ли вы ему, что мы с вами познакомились, когда он в кармане еще не пистолет, а рогатку таскал. И я вас хорошо изучил за эти годы. Вы совсем маленький, заурядный человек. Вами даже жена дома наверняка командует. Таких людей идет ровно двенадцать на дюжину — ни пороков, ни достоинств. И так — каждый день, круглый год минус время на сон. Но те десять—двенадцать часов, которые вы проводите в этом кресле — вы же наверняка перерабатываете,— делают вас фигурой, личностью, значительным и сильным человеком. Ответственность за людей, власть над ними, постоянный риск, азарт игры и поиска делают вашу мысль острой, а жизнь интересной. Поэтому вы не просто любите свою работу, а вы живете ею, у вас ничего нет, кроме нее, и как бессмысленно человеку обманывать самого себя, так вы никогда не пойдете на сделку со своей профессиональной честностью. Она ведь превратилась в основу вашего существования. Это оплот вашей веры, и вы лучше получите строгача или служебное несоответствие, чем предложите мне: «Давай, Дедушкин, помоги нам найти итальяшку, а мы уж дело с чемоданом замнем». Я вас за это не осуждаю, но, честно говоря, очень не люблю. И думаю, что этот разговор в присутствии ваших мальчиков вы мне никогда не забудете...

Шарапов долго молчал, покручивая в руках очки, потом надел их и внимательно осмотрел Батона.

— Разговор у нас был хороший. Я ведь в жизни всегда боюсь только неизвестного и непонятного. А с тобой просто: ты нам очень даже понятен...

— Грозитесь? — усмехнулся Батон.

— Нет,— сказал немного грустно Шарапов.— Ты очень опасный человек. Я и сам не больно чувствительный, но тебе прямо удивляюсь: отсутствуют у тебя человеческие чувства. Да-а-а... В общем, разговор закончен.

Да, разговор был закончен. Я достал из папки бланк и сказал:

— Гражданин Дедушкин, мы считаем дальнейшее содержание вас под стражей нецелесообразным...

— Незаконным! — перебил он меня.

— ...нецелесообразным,— продолжал я,— в связи с чем вы освобождаетесь. Распишитесь вот здесь на постановлении...

Дедушкин встал, не спеша подошел к столу, достал из стакана на столе у Шарапова ручку, аккуратно обмакнул ее в чернильницу, внимательно осмотрел кончик пера, взял в руки бланк, прочитал.

— Здесь расписаться?

— Здесь,— сказал я негромко, и ярость, тяжелая, черная, как кипящий вар, переполняла меня, и очень хотелось дать ему в морду.

Батон быстро наклонился к листу бумаги, будто клюнул его, поставил короткую, корявую закорючку. Но и в этот короткий миг я разглядел, как сильно тряслись у него руки. И промокать пресс-папье его подпись я не стал, потому что он бы увидел, как трясутся руки и у меня. Просто я взял листок бумаги и небрежным таким движением помахал им в воздухе — вроде бы закончили неприятную процедуру и слава богу. Я положил бланк в папочку и сказал:

— За задержание приношу свои официальные извинения.— И сказал я это как-то весело, со смешком, будто в дурака проиграл, и наплевать мне и на проигрыш, и на Батона, и на извинения все эти пустяковые. И почувствовал, что если скажу еще одно слово, то заплáчу. Ну, не зарыдаю, конечно, но вот бывает такое состояние, когда от злости, бессильной ярости сжимает спазма горло и в любой момент из глаз могут покатиться слезы досады и отчаяния.

А Батон засмеялся и сказал:

— Да ну, ерунда какая! Бог простит.— И не удержался, добавил: — Я же ведь говорил вам, Тихонов, что извиняться еще придется. А вы посмеивались. Правда, должен признать...— он сделал паузу, посмотрел на меня с насмешкой и врубил: — ...вы уже совсем не тот щенок, которого я знал. Совсем не тот. Другой, другой. Кстати говоря, а как с вещами?

Не знаю почему, но этим ударом он как-то снял с меня напряжение, будто из шока вывел. Плюнул я на все эти игры со спокойствием и «позиционной борьбой» и сказал попросту:

— Рано радуешься. Дело-то продолжается. Я ведь тебе извинения о ф и ц и а л ь н ы е принес, как должностное лицо. А я сам, Тихонов, перед тобой не извиняюсь, потому что ты вор и к тому же не самый толковый. Поэтому в присутствии своих товарищей клятву даю: я тебе докажу, что воровать н е л ь з я. И если я этого не сделаю, то я лучше из МУРа уйду. Но я тебе докажу, что из МУРа мне уходить еще рано.

— Красиво звучит. Прямо как клятва Гиппократа. Так что с вещами? С чемоданом моим что?

— Вот с чемодана и начнем. Чемодан не твой: он ворованный и как вещественное доказательство будет приобщен к делу до конца следствия. Уведомление об этом тебе вручу в собственные руки. Гражданин Дедушкин, вы свободны. Можете идти...

Батон дошел до дверей, и шаг у него был какой-то неуверенный, заплетающийся, как у пьяного. Может быть, потому, что в ботинках не было шнурков, не знаю. Но он все-таки обернулся и сказал с кривой ухмылкой:

— Прощайте...

Мы с Шараповым промолчали, а Сашка крикнул вслед:

— До свидания! До скорого!

ГЛАВА 10

Я вошел к себе в комнату и увидел, что вечерний сумрак стелется в углах, как туман. Закат над городом догорел, и ушедшее солнце разогревало снизу облака, сиреневые, синие, легкие, отраженный свет окрашивал все в полутемной комнате размытой акварелью, и от этого не видно было беспорядка, пыли, продравшейся обивки на кресле, и только необычный дымящийся полусвет плавал в ней, стирая грани, все неприятное и некрасивое, и в короткое это мгновение комната была похожа на аквариум, заполненный гаснущим серебристым свечением и прозрачной тишиной. Тишина была замкнутой, не сообщающейся с миром, как воздушный колокол под водой, потому что за окном, напротив, в Гнесинском училище, тонко выбивал кто-то на рояле гаммы, и эти дрожащие ноты бились о стенки моей тишины, не в силах проникнуть в нее, поколебать, нарушить, и поэтому они сразу же поднимались вверх, к сиреневым легким облакам, и улетали с ними далеко, за горизонт, навсегда...

Не раздеваясь, я уселся на стул, бросил на стол пачку пельменей, пакет с «домашними» котлетами и вспомнил, что забыл купить хлеба; от этого стало досадно, потому что, сколько я себя помню, у меня дома никогда не бывало свежего хлеба, я всегда забываю его покупать. Да и есть мне почему-то расхотелось. А настроение было преотвратительное. Я лег на диван, но никак не мог заснуть, мне казалось, что партию с Батоном проиграл окончательно, потому что она была мной проиграна еще до начала игры, а я просто не знал этого. Мне вспомнились когда-то давно прочитанные и почти совсем позабытые стихи Рильке о пантере, выросшей в клетке. Она не знала свободы и поэтому полагала, что ограниченный пятачок ее вольеры — это и есть свобода, а вся земля за решеткой — неволя. Неужели свобода Батона — за решеткой? Но он ведь не хотел в тюрьму и бился до последнего!

Зазвонил телефон. Аппарат стоял на столике рядом с диваном, я хорошо видел его в темноте: маленький, горбатый, сердитый, он звенел настойчиво и пронзительно, пока мне это не надоело и я снял трубку.

— Стас? А, Стас? Здравствуй!

Звонила Лера. Давно я не слышал ее голоса по телефону и не мог сообразить, зачем она разыскала меня сейчас. Она сказала, что звонила моей матери, которая объяснила, что если я не на службе, то должен быть здесь. Лера сказала, что мать на меня обижена за недостаток внимания.

— Это, конечно, не мое дело, но, по-моему, ты неправ.

— Я, конечно, неправ, но, по-моему, это не твое дело,— ответил я.

Мне все надоело. Нельзя учить жизни взрослых людей, коль неохота делить с ними бремя альтруистической тирании. Люда-Людочка-Мила не стала бы этого делать. Но я ведь любил Леру, и она об этом знала. И меня не любила, поэтому могла и поучить. А на улице догорел апрельский вечер, Батон, наверное, весело пировал дома, рассказывая, какой я щенок и сопляк, крест повешенного генерала лежал на полочке в сейфе...

А я раздумывал о свободе, стиснутой клеткой вольеры. Мне так хотелось, чтобы она вдруг, ни с того ни с сего, сказала мне какие-то слова, от которых можно было бы почувствовать себя мчащимся по стене, а тоска по войлочным тапкам растворилась, как детская печаль о съеденном леденцовом петушке на палочке. Наверное, все выпущенные из бутылки джинны одиноки и нуждаются в любви и поддержке чаще, чем кто-либо. Слабодушные они существа, джинны, оттого, что душа у них — пар. А может быть, и слова бы не помогли...

Лера сказала:

— Ну, не сердись, Стас. Тем более что у меня к тебе просьба.

Я внимательно вслушивался в ее слова, но соображал совсем плохо, наверное, из-за того, что все время думал еще о чем-то. Какой-то художник из их издательства напился в компании, поссорился на улице, подрался, попал в милицию.

— И что?

— Теперь ему из милиции пришлют письмо на работу, у него будут неприятности. Не мог бы ты поговорить там, чтобы не присылали письма? Ведь ничего страшного не произошло, дело-то житейское. А парень он хороший...

Дело житейское... А парень он хороший... И я тоже парень хороший. И люблю ее. Ничего страшного не произошло, можно и позвонить мне через несколько лет после всего и попросить о такой пустяковой услуге. Ведь я же могу поговорить там, в милиции, чтобы не присылали письма. Они меня наверняка уважают, потому что я не напиваюсь и не дерусь на улице. И настроение как раз подходящее для выполнения таких просьб, а если нет настроения, то это тоже не очень важно, потому что масштаб интереса к моим делам всегда больше интереса к моей личности скромного героя в серой или синей шинели.

Ее низкий, глуховатый голос ласково и чуть просительно гудел в трубке, а я лежал, закрыв глаза, чтобы не видеть в темноте расплывчатый горбатый силуэт телефонного аппарата, из которого шел ко мне ее голос, долго лежал и думал, что этот звонок — последний унизительный эпизод сегодняшнего тяжелого дня, а голос ее трепетал, как ночная бабочка, и я не понимал ни одного слова, кроме того, что ей просто позарез надо помочь этому отличному парню, и сделать это могу только я, а она знает, что я ей никогда не отказывал, и боль становилась невыносимой. Я отодвинул трубку от уха, но ее голос был отчетливо слышен в тишине, слышен все время, пока я медленно нес трубку к аппарату, и оборвался внезапно, когда трубка легла на рычаг. «Тинь! Тинь!» — звякнул аппарат.

Через мгновение телефон зазвонил снова, еще раз, еще, он был зол, он гремел, он требовал, чтобы я снял трубку и узнал, что приличные люди себя так не ведут. А я вдруг увидел, что лежу на диване в плаще, который забыл снять, и очень болит бок от вмявшегося пистолета. Я встал, сбросил на стул плащ, снял кобуру и положил пистолет под подушку, а телефон звенел, а я раздевался и бормотал, что я тоже хороший парень и хочу, чтобы кто-нибудь просил за меня не посылать писем о том, как я напиваюсь и дерусь на улице. Трещал телефон, я разделся, не зажигая света, нашел в буфете две таблетки снотворного и запил их стоялой водой из графина, улегся. И телефон смолк...

Я очнулся, будто вынырнул из затхлого, черного омута, и долго, глубоко дышал, не в силах утихомирить тяжелый, неровный бой сердца.

Комната была залита дымным лунным светом, и лучистые блики вырывали из темноты на стене часть Лериной картины — подсолнухи, желто-зеленые, громадные, прекрасные, как тропические пальмы. От снотворного глухо шумело в голове, пересохло во рту. Хотелось есть. Я понял, что заснуть больше не удастся, полежал еще немного. Посмотрел на часы. Было половина третьего. Я встал, оделся, подержал в руках кобуру, соображая, брать или оставить дома, засунул ее под подушку, на цыпочках прошел по коридору и неслышно притворил за собой входную дверь.

На улице было светло и зябко. Я поднял ворот плаща, засунул руки глубоко в карманы и по тихим кривым арбатским переулочкам пошел в сторону Калининского проспекта. Сиреневые ртутные фонари отражались в огромных стеклах витрин, и казалось, что множество маленьких лун остались ночевать в пустых магазинах и кафе. По чистому белому плиточному тротуару я торопливо прошел к Садовому коль-

цу, вниз по Новинскому спуску к Москве-реке, через Дорогомиловку к Киевскому вокзалу, где было много людей, сновали такси, плавал обычный дорожный гам. В буфете я сел за стол к какому-то небритому дюжему дядьке. Дядька был очень благодушен и под хмельком.

— Ты, парень, есть хочешь,— уверенно заявил он.

— А как вы угадали? — удивился я.

— По глазам,— засмеялся он.— Иди возьми пивка, а я уж тебя угощу кой-чем.

Пузырилось пиво в кружках, пухла пена, дядька достал из мешка под столом толстый ломоть розового сала, завернутого в газету, две луковицы и общипанную буханку ржаного хлеба.

— Разве дадут тебе бутенброды такие в буфете? — спрашивал он меня и сам себе отвечал: — Ни в жисть!

Потом хитро прищурился на меня.

— А ведь поднесу — то и выпьешь?

Я сказал:

— Под такую закуску грех отказываться. Только нельзя, я думаю. Увидит милиционер.

— А что милиционер? Он ведь к тем пристает, кто бузит или хулиганничает. А мы с тобой мирно, тихо...

— Тогда наверняка не пристанет,— сказал я серьезно.

Он достал початую бутылку водки и разлил по стаканам.

— За что выпьем? — спросил я.

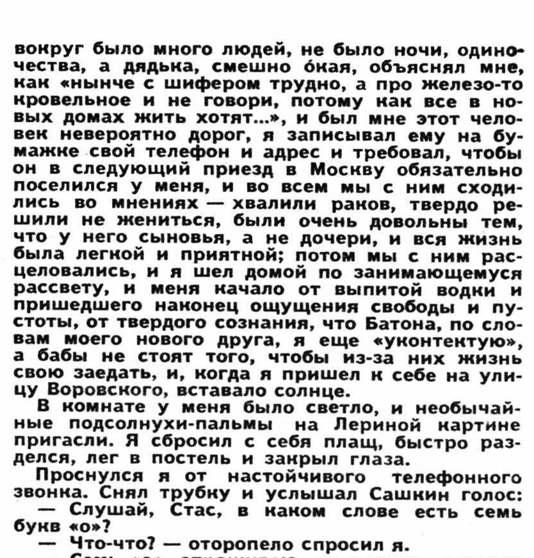
— Да какая разница? Было б настроение...

— Э, нет,— сказал я.— Это вроде знака уважения. Давайте выпьем за вас...

Дядька от смеха даже головой закрутил.

— Эк, ты чудно́ сказал. Ну, да ладно, ты человек, видать, ученый, тебе виднее. Давай за меня...

Мы ели душистый хлеб с розовым салом, хрустели луком, окуная в блюдце с солью целую головку, а пиво было вкусное, свежее, и вокруг было много людей, не было ночи, одиночества, а дядька, смешно о́кая, объяснял мне, как «нынче с шифером трудно, а про железо-то кровельное и не говори, потому как все в новых домах жить хотят...», и был мне этот человек невероятно дорог, я записывал ему на бумажке свой телефон и адрес и требовал, чтобы он в следующий приезд в Москву обязательно поселился у меня, и во всем мы с ним сходились во мнениях — хвалили раков, твердо решили не жениться, были очень довольны тем, что у него сыновья, а не дочери, и вся жизнь была легкой и приятной; потом мы с ним расцеловались, и я шел домой по занимающемуся рассвету, и меня качало от выпитой водки и пришедшего наконец ощущения свободы и пустоты, от твердого сознания, что Батона, по словам моего нового друга, я еще «уконтектую», а бабы не стоят того, чтобы из-за них жизнь свою заедать, и, когда я пришел к себе на улицу Воровского, вставало солнце.

В комнате у меня было светло, и необычайные подсолнухи-пальмы на Лериной картине пригасли. Я сбросил с себя плащ, быстро разделся, лег в постель и закрыл глаза.

Проснулся я от настойчивого телефонного звонка. Снял трубку и услышал Сашкин голос:

— Слушай, Стас, в каком слове есть семь букв «о»?

— Что-что? — оторопело спросил я.

— Семь «о», спрашиваю, не знаешь, в каком слове есть?

— Семь «о»? Не знаю. А что случилось?

— Ничего,— невозмутимо сказал Сашка.— Слово есть такое красивое — обороноспособность.

— Ну и что? Ты к чему все это? Про семь «о»?

— А ты посчитай. Получается?

Я по слогам, загибая пальцы, пересчитал, получилось точно — семь «о».

— Получается. А тебе это зачем?

— Мне? — удивился Сашка.— Совершенно незачем. Я это и раньше знал. Я тебя включал в мыслительную деятельность, а то ты просыпаешься очень медленно...

— Скверный вы человек, Александр, должен вам заметить,— сказал я и засмеялся.— Типичный мелкий пакостник.

— Это точно,— охотно согласился Сашка.— Поэтому с особой радостью сообщаю, что ты опоздал на службу уже на двенадцать минут, совершив тем самым нарушение трудовой и производственной дисциплины.

— У меня восемнадцать неиспользованных дней-отгулов...

— Отгулы предоставляются с ведома и согласия администрации,— заликовал Сашка.— Так что в порядке утренней гимнастики садись и пиши объяснительную начальству. Подумай о спасении души.

— Хорошо. У меня есть оправдывающие обстоятельства: я ночью не спал.

— В суде будешь оправдываться.

— Гулял по улицам, на Киевский вокзал ходил...

Сашка засмеялся:

— Товарищи обыватели правы в своих представлениях о том, что злодея всегда тянет на место преступления. Шарапов спрашивал, не знаю ли я, где ты находишься.

— А ты?

— Сказал, что знаю.

— И где же я нахожусь?

— В архиве Верховного Суда и никак не можешь ему дозвониться, пока он бродит от своего кабинета до нашего. Вот сейчас как раз ты ему снова телефонируешь.

— А у него занято. Придется перезвонить через минуту. Привет...

— Привет. Я все время на месте, жду от тебя вестей.

— Сашок, есть дело. Пока я буду читать все производство по атаману Семенову, составь справку по нашим приключениям...

Сашка помолчал, потом спросил:

— Все-таки думаешь посылать в Болгарию?

— Не знаю еще. Посмотрим. Но другого пути я пока не вижу.

— Ну, привет...

— Привет.

Я набрал номер телефона, и в трубке плеснулся густой, тягучий голос:

— Шарапов у телефона.

— Добрый день, Владимир Иваныч, это я.

— Здорово. Ты что, дома еще, что ли? Мне Савельев наврал, что ты с утра в архиве ковыряешься...

Я озадаченно помолчал и почувствовал, что Шарапов усмехнулся. Он сказал:

— Ты вчера забыл у меня на столе листочек со всеми вопросами по делу, так что без них тебе в архиве делать нечего...

— Я в двух экземплярах листочек напечатал,— сказал я неуверенно и спросил: — Владимир Иваныч, а ты сейчас в своих очках?

— В очках? — переспросил он удивленно.— Да. А что?

— Нет, ничего. А Батона, Владимир Иваныч, мы еще уконтектуем!

— Словечки у тебя всегда какие-то дикие.

— Владимир Иваныч, в них смысл большой!

— Уж куда как! Я вот посмотрю на этот смысл! Ты сюда явишься? За листочками?

— Владимир Иваныч, у меня, ей-богу, есть второй экземпляр. И через десять минут я ныряю в архивные катакомбы.

— Давай звони оттуда.— И, помолчав, добавил: — Все-таки я тебя девятый год на работе только по недосмотру терплю...

Продолжение следует.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ПОЛЬЗЫ

Не так давно девушка-библиотекарь, выдавая мне очередной номер журнала «Знамя» за текущий год, тщательно перелистала страницы и вздохнула облегченно:

— Цело пока...

— Неужели романы выдирают? — поинтересовался я.

— Роман так просто из журнала не выдерешь,— отвечала она.— Это сразу будет заметно. Да и маловато нынче печатается романов, с которыми жалко расстаться.

— В таком случае к чему же тянутся читательские руки?

— К афоризмам из сборника Вл. Воронцова.

— Это дело объяснимо: болезнь века — рационализм.

— Нам от этого не легче,— продолжала вздыхать собеседница.— За каждым номером следишь в оба, а страницы тают. Все выдергивает и выдергивает их ваш брат, особенно молодежь. Нет чтобы взять и переписать для памяти.

Конечно, работница библиотеки вызывала сочувствие, но и постоянных читателей журнала «Знамя» тоже можно понять, когда им заново приходится переживать определенные откровения.

Собственно говоря, то, что наш мир полон мудрых мыслей, известно каждому. Однако далеко не все отчетливо представляют себе, сколько их на самом деле и, главное, как их можно было бы с пользой применить. Без такого знания эти «крылатые слова» часто оказываются «словами бесполетными». То есть хоть и крылья у них имеются и слетают они с языка, да не совсем понятен их точный смысл, отчего посылаемы они бывают не по адресу.

Совершенно ясно, что в составлении сборников «Мудрых мыслей» первейшее дело — это систематизация и вытекающее отсюда верное толкование. Вл. Воронцову посчастливилось найти совершенно оригинальную систему организации афоризмов по их действительному значению. Группы составлены и обозначены так, что в них «всяко слово в строку пишется». Отсюда вытекает строгая направленность афоризма и начисто исключается возможность двусмысленности или передергивания. Этот ювелирный отбор вдобавок заново высвечивает фразы, по которым мы сто раз уже скользили глазом и совсем не воспринимали как афоризм.

Даже более того, продуманность работы Вл. Воронцова раскрывает нам порою чистое звучание отдельных, казалось бы, хорошо известных слов.

Афоризм И. Гете «Живешь, собственно, только тогда, когда пользуешься расположением других», например, поставлен в раздел «Человек и общество». И донельзя заезженное слово «расположение» в конструкции «расположением других», стряхнув иронические наслоения, сразу приобретает свой первозданный, гражданственный смысл.

Работа Вл. Воронцова делает еще одно свое полезное дело. Она возбуждает любопытство, желание самому заглянуть в труды, откуда почерпнуты «крылатые слова». Но не все эрудиты, и без точных ссылок на первоисточник навряд ли сумеем самостоятельно их отыскать. Хочется верить, что афоризмы, собранные Вл. Воронцовым, выйдут из печати отдельной книгой.

Юрий КОРТНЕВ,
мастер завода «Динамо»

На одной из улиц в центре Копенгагена.

Здание ратуши в Осло.

РЕПОРТАЖ ИЗ КОПЕНГАГЕНА И ОСЛО

СТРАНЫ СО СХОДНЫМИ СУДЬБАМИ

К визиту Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина в Данию и Норвегию

Юлий ЯХОНТОВ

Копенгаген сверкает огнями. Гирлянды лампочек, увитых еловыми ветками, образуют светящуюся крышу над центральными улицами. Кое-где у домов уже устанавливают елки. Страна верна своим обычаям: приближается самый красочный их праздник — рождество. Но, разумеется, датчане заняты не только одним этим праздником.

Перед страной и ее социал-демократическим правительством, которое возглавляет Е. О. Краг, стоит много проблем, ждущих своего решения. Это серьезные вопросы внутренней жизни и не менее важные внешнеполитические проблемы. Глубокие разногласия по вопросу о членстве в НАТО, растущая оппозиция к намерению присоединить Данию к Общему рынку — все это волнует датчан, вызывает дискуссии и споры, острую полемику в печати.

В Дании, перенесшей годы гитлеровской оккупации,— немецко-фашистские войска захватили ее 9 апреля 1940 года — много участников движения сопротивления, мужественно сражавшихся в подполье против фашизма, которые хорошо знают, что такое война. Знают и о той решающей роли, которую сыграл Советский Союз в разгроме гитлеризма. Поэтому подавляющее большинство датчан искренне поддерживают усилия Советского Союза и других социалистических стран, направленные на разрядку напряженности в Европе, на обеспечение безопасности на нашем континенте и на сохранение мира во всем мире. Правительство Дании заявило, что оно выступает за созыв общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. Недавнее официальное признание Данией Демократической Республики Вьетнам было с одобрением встречено общественностью страны.

Народы Дании и Советского Союза всегда жили в мире и дружбе. В нашей стране едва ли найдется человек, который не знал бы замечательного сказочника Ханса Кристиана Андерсена, классика мировой литературы Мартина Андерсена-Нексе. В научных кругах Советского Союза огромным авторитетом пользуется имя датского физика Нильса Бора. Всех этих людей родила Дания, и они принесли ей славу.

Наша русская и советская литература, музыка, театрально-балетное искусство тоже не чужды датчанам. Они знают Толстого и Достоевского, Горького и Шолохова, Чайковского и Прокофьева. Во многих гимназиях Дании сейчас введено изучение русского языка.

Большая заслуга в пробуждении интереса датчан к СССР принадлежит обществу «Дания — Советский Союз». Его председатель Аллан Фридеричиа, уже немолодой, но очень энергичный и подвижный человек, с которым мы встретились в здании городской ратуши, с большим увлечением рассказывал о деятельности организации, которую он возглавляет.

— Это общество — старейшее в мире,— говорил он.— Оно было организовано еще в 1924 году. Членами его являются не только отдельные люди, причем люди самые разные как по своему общественному положению, так и по политическим взглядам. В нашем обществе состоят целые организации и четыре политические партии, коллективы предприятий и фирм. Свыше ста тысяч человек!— с гордостью подчеркнул Аллан Фридеричиа, добавив при этом, что по датским масштабам это немало.

— Мы надеемся,— сказал в заключение беседы Аллан Фридеричиа,— что визит Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина поможет дальнейшему развитию датско-советских дружеских связей и будет новым вкладом в обеспечение мира и безопасности.

Визит в Данию Председателя Совета Министров СССР расценивается большинством датчан как новое проявление миролюбивой внешней политики Советского Союза, как очередной шаг по осуществлению программы мира и сотрудничества, одобренной XXIV съездом КПСС.

Из Дании Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин вылетит в Норвегию.

Если не углубляться в дебри далекой истории, когда судьбы Норвегии и Дании были очень тесно переплетены между собой, а взять только последние десятилетия, то и в таком случае между обеими странами обнаруживается много сходных черт.

В годы второй мировой войны оккупация Норвегии гитлеровцами началась в один день с оккупацией Дании. В 1949 году Норвегия так же, как и Дания, оказалась вовлеченной в Североатлантический блок, против членства в котором выступают сейчас новые и новые общественные силы страны. Здесь так же, как в Дании, и даже в значительно большей степени развернулась борьба против намерения приблизить страну к Общему рынку. Здесь тоже недавно вновь вернулись к власти социал-демократы — Норвежская рабочая партия. И перед правительством, которое возглавляет Т. Браттели, стоит немало сложных задач.

Норвегия тоже недавно признала Демократическую Республику Вьетнам, заявила о поддержке идеи созыва общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, а также ряда других конструктивных предложений, направленных на нормализацию обстановки, разрядку напряженности и обеспечение мира. Норвегия, как и Дания, всегда жила в мире и добрососедстве с Советским Союзом.

В годы борьбы против гитлеровского фашизма дружба советского и норвежского народов была скреплена кровью. Тысячи наших воинов отдали свои жизни ради освобождения Норвегии, а норвежские патриоты оказывали всяческую помощь нашим солдатам и офицерам, оказавшимся в плену. Советское правительство наградило боевыми орденами и медалями группу мужественных норвежских граждан. Всегда существовавшие традиционные добрососедские отношения между нашими странами получили особенно заметное развитие в последние годы. Это и торговля, ведущаяся теперь на базе долгосрочного соглашения. Это и научно-технический обмен.

Норвежцы, с которыми мне довелось беседовать, выражали удовлетворение нынешним состоянием отношений между нашими странами-соседями и говорили о необходимости их дальнейшего укрепления и развития.

— Мы с большой радостью ожидаем визита премьер-министра Алексея Косыгина,— говорил мне председатель парламентской фракции Норвежской рабочей партии, член внешнеполитического комитета стортинга Гутторм Хансен,— поскольку этот визит является подтверждением хороших отношений, существующих между Норвегией и СССР. Для нас большая честь принимать у себя главу правительства нашего соседа — великой державы.

Печать Осло пишет о том, что переговоры, которые состоятся в Норвегии, несомненно, окажут благоприятное воздействие на обстановку в Европе в целом, на укрепление климата доверия и сотрудничества.

БОРЮЩАЯСЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Если назвать все страны, в которых побывал политический обозреватель газеты «Правда» Виктор Васильевич Маевский, то получится довольно длинный перечень. Результаты этих поездок — статьи, памфлеты, комментарии — давно известны читателям. Но в емком журналистском блокноте всегда остаются записи для размышлений. И вот теперь на основе многолетних зарубежных командировок из-под его пера родилась новая книга, «Сражения мирных дней». Это взволнованный, яркий рассказ публициста об ожесточенной идеологической борьбе двух противоположных миров, о роли печати и журналистов различных континентов. В книге на всем ее протяжении чувствуется присутствие автора, думающего и интересного собеседника, тонко знающего подноготную кухни буржуазной прессы, ее закулисные стороны.

Страницы переносят читателя в огромный зал «Нью-Йорк таймс», где сотни сотрудников ежедневно поставляют на газетный конвейер много дезинформации. Мы словно видим процесс рождения многокилограммовых газет, насчитывающих порой больше ста страниц, напичканных рекламой и сенсациями, видим, как крутится маховик всей огромной пропагандистской машины США, включающей, кроме радио, телевидения, кино, 1 750 ежедневных газет с общим тиражом 61,5 миллиона экземпляров.

Газеты для их владельцев здесь стали крупным бизнесом, приносящим миллионы. В острой конкуренции сильные побеждают слабых. Изо дня в день весь арсенал пропаганды формирует и направляет общественное мнение, оболванивая миллионы читателей.

Такую же картину мы видим и в Великобритании, где В. Маевский несколько лет работал корреспондентом «Правды». По долгу журналистской службы ему приходилось встречаться с магнатами прессы С. Кингом и Р. Томсоном, с газетными «звездами», участвовать в полемике и дискуссиях. Автор разоблачает ухищрения и продажность изданий миллиардера А. Шпрингера, продукцию которого, отравленную неприкрытым антисоветизмом, читает каждый второй житель ФРГ. Сильна своим воздействием на умы людей и японская пресса. Журналистские дороги ведут нас в редакции Филиппин — государства из семи тысяч островов, и к изданиям Индии и Пакистана. Всюду, где бы ни побывал журналист-международник, он подмечает свойственные той или иной стране нравы и детали, создавая целостную картину сегодняшнего газетного мира.

Всем своим содержанием книга подчеркивает: не может быть мирного сосуществования противоположных идеологий. Буржуазные писаки кичатся «свободой печати». Но как она выглядит на деле? На многочисленных примерах автор разоблачает сущность этого пресловутого лозунга и, как бы подводя итог, пишет: «Буржуазная «свобода печати» — это особа, которой все позволено, но которая ни за что не отвечает. Это свобода растлевать души, делать преступников героями, героев объявлять злодеями, оправдывать агрессию, открыто призывать к войне».

Антикоммунистическая сущность буржуазной прессы, идеологические диверсии противников особенно наглядно показаны журналистом на примере тревожных августовских событий 1968 года в социалистической Чехословакии, свидетелем которых ему пришлось быть. Сколько необузданной лжи и клеветы было вылито на нас и наших друзей в эти дни из рупоров западных изданий! Но все эти потуги лопнули как мыльный пузырь.

Книга В. Маевского учит бдительности, заставляет задуматься над событиями во всех их сложностях. Написанная публицистически остро, с большим накалом, она займет достойное место в строю книг — борцов за наши убеждения и идеалы.

Анатолий САФОНОВ

В. Маевский. Сражения мирных дней. Издательство политической литературы, 1971.

ВРЕМЯ, ЖИЗНЬ, БОРЬБА...

Голубь мира на фоне земного шара... Знакомый всем рисунок — эмблема XIV Международного кинофестиваля документальных и короткометражных фильмов в Лейпциге — снова и снова вспыхивает на экране. И вот авторитетное жюри, виднейшие деятели культуры и искусства всех континентов земли уже вручают победителям главный приз — «Золотого голубя».

Обладателями высших наград фестиваля стали кинематографисты СССР, Вьетнама, Чили, Кубы, ГДР, Чехословакии, Польши, Франции, США.

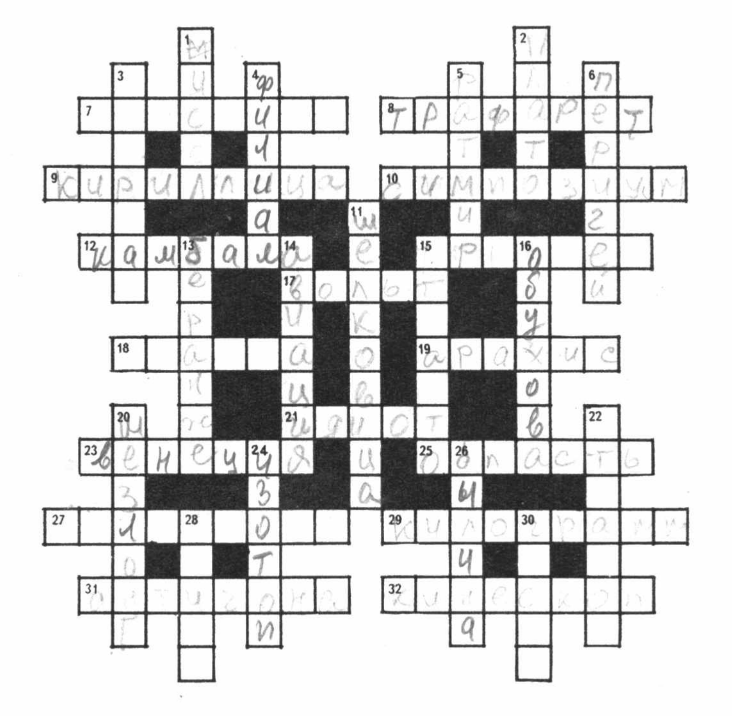
Начавшийся просмотром «Интернационала», масштабной полиэкранной работы студии «Мосфильм», кинофорум в Лейпциге оказался чрезвычайно интересен своим пристальным вниманием к современности, к наиболее острым ее проблемам, волнующим передовое человечество. Судьбы людей, их время и жизнь, их борьба за справедливость, здоровье и счастье — вот примерно круг вопросов, к которому пробуешь свести неповторимое, всякий раз ярко своеобразное, конкретное содержание фильмов, представленных на смотр в Лейпциге сорока пятью странами-участницами.

Словно окном в мир был экран в зале кинотеатра «Капитоль». Непрерывно возникали на нем, сменяя одна другую, картины нынешнего народного существования. Видишь, как мир кипит, бурлит, содрогается в борьбе, сбрасывает старое, приносит неисчислимые жертвы во имя нового. Видишь лица людей, молодые и старые; видишь глаза, осветившиеся пониманием смысла жизни, ее больших, серьезных задач. Видишь человеческие толпы на улицах и дорогах Японии, возле заводских ворот ФРГ... Красное знамя, красные лепестки гвоздики, красная ленточка в девичьих волосах знаменуют устремления демонстрантов, отстаивающих новую жизнь Чили, независимость Ирландии, свободу Вьетнама, Лаоса...

Однако же не одна лишь острая политическая тематика сама по себе привлекала внимание зрителей к фильмам Лейпцигского фестиваля. Современные кинодокументалисты все заметнее делают свои ленты подлинным искусством, где факт, документ; точная информация о событии обращены не только к зрительской мысли, но и к зрительскому чувству. Оно-то и будят могучий сердечный отклик зрительного зала, даря ему незабываемое ощущение живой причастности к политической жизни мира, к ее могучему гражданскому накалу.

Создатели таких фильмов являются настоящими художниками. Их боевое, темпераментное творчество учит высокой образности формы, мастерству композиции, отбору, строго подчиненному главной идее произведения. Огромный интерес в этом смысле вызвала ретроспектива фильмов советского кинорежиссера Р. Кармена; четырнадцать лучших его лент, широко отражающих историю Советской страны, шли ежедневно в рамках фестиваля как образец классической кинодокументалистики, получив специальную поощрительную награду жюри и высокую благодарность зрителей лейпцигского смотра.

Н. ТОЛЧЕНОВА,
спецкор «Огонька», Лейпциг.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Картина В. А. Тропинина. 8. Шаблон. 9. Азбука старославянского языка. 10. Международное совещание ученых. 12. Промысловая рыба. 15. Врач. 17. Единица разности электрических потенциалов. 18. Древесная лягушка. 19. Земляной орех. 21. Роман Ф. М. Достоевского. 23. Город в Италии. 25. Административно-территориальная единица в СССР. 27. Прозрачный термопластичный материал. 29. Единица веса. 31. Трагедия Софокла. 32. Телевизионная трубка.

По вертикали: 1. Приток Миссисипи. 2. Возвышенная равнина. 3. Высочайшая горная система. 4. Отделение предприятия, учреждения. 5. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 6. Ближайшая к Земле точка орбиты Луны. 11. Тутовое дерево. 13. Французский поэт-песенник. 14. Воздушный флот. 15. Пролив между Апеннинским и Балканским полуостровами. 16. Певица, народная артистка СССР. 20. Раздвижное кресло. 22. Русский землепроходец. 24. Разновидность атома одного и того же химического элемента. 26. Жанр народно-поэтического творчества. 28. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Лес». 30. Щипковый музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 5. Буревестник. 8. Мериме. 9. Флорес. 10. Берет. 14. Бетон. 16. Ворскла. 19. Пиала. 20. Аспирант. 21. «Бородино». 22. Байка. 24. Штольня. 25. Отсек. 29. Гримм. 31. Сверло. 32. Оцелот. 33. «Воскресение».

По вертикали: 1. Крушина. 2. Триполи. 3. Денеб. 4. Штифт. 6. Венло. 7. Пенни. 11. Растрелли. 12. Реостат. 13. Планшет. 15. Норка. 17. Октет. 18. Лобан. 19. Просо. 23. Колва. 26. Триод. 27. Бартоло. 28. Аметист. 29. Горка. 30. Мопед.

На первой странице обложки: Портрет Н. А. Некрасова работы художника И. Крамского.

На последней странице обложки: Первый снег. Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/XI-71 г. А 00659. Подп. к печ. 30/XI-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2428. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2129.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Богатырская потеха.

СЛАВНОЕ ВРЕМЯ—ЗИМА!

А. БОЧИНИН, Ю. КРИВОНОСОВ

Ну и мастерица наша зима! Такие кружева плетет, такие узоры выдумывает — диву даешься. И ведь при всей маститости ведет себя точь-в-точь, как мальчишка, у которого только-только начал прорезываться талант художника: рисует на всем, что под рукой окажется. Рисует на окнах и стенах домов, плетет свою вязь на деревьях и заборах, расписывает вензелями поля и дороги, чеканит серебро стынущих рек, нахлобучивает кудлатые папахи на горы, расшивает бархатом девичьи брови и даже степенные бороды дедов. И на все это идет-то у нее одна лишь краска — белая, нежная, белоснежная.

Озорует зима, а нам на это озорство глядеть любо-дорого. И задор нас берет, и спешим мы в снежные просторы — одни с лыжами, другие с санками, третьи с пешней да удочкой. А где снег, там и лед, и вот уж раздолье хоккеистам, конькобежцам, ну и само собой «моржам»— студеным ныряльщикам.

Славное это время, зима! Воздух звенит от мороза, и такой он чистый да свежий, что кажется, сама мать-природа приготовила его специально для спорта, для здоровья людей.

Недаром же славится на весь мир наша зима-матушка!

Когда корм под снегом.

Озорной прыжок.

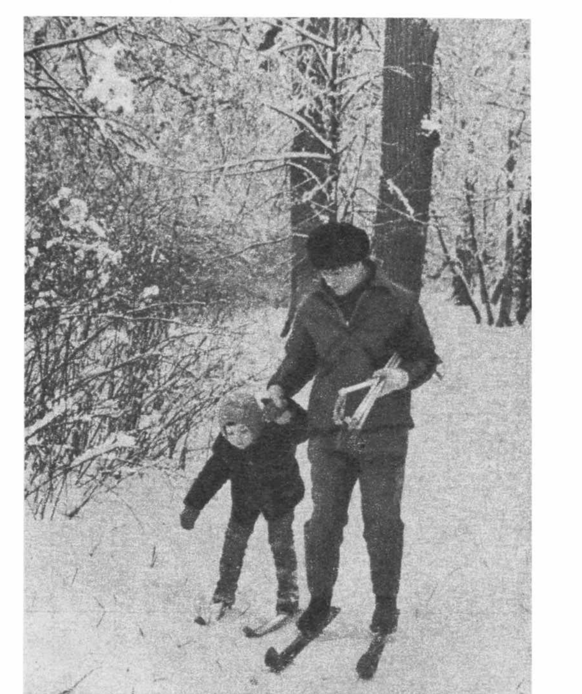
Фото Б. Смирнова.

Современные снегурочки.

Как на асфальте.

Первые шаги.

Зимний вернисаж.

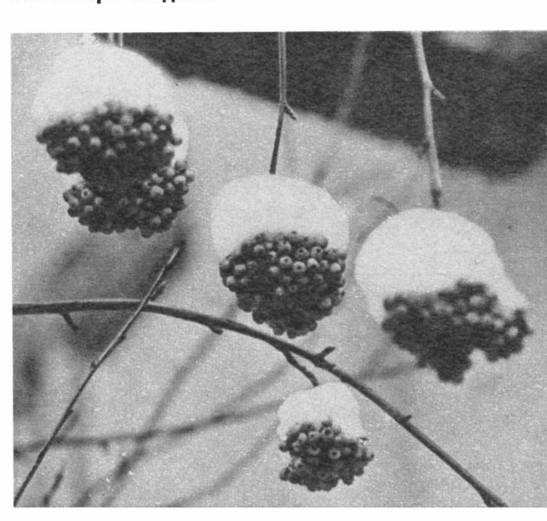
Веселое сражение.

Атака.

Вот теперь сладкая!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.